

ЙОАВ БЛУМ
**РУКОВОДСТВО
К ДЕЙСТВИЮ
НА БЛИЖАЙШИЕ
ДНИ**

Йоав Блум
Руководство к действию
на ближайшие дни
Серия «Большой роман»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41369122
Йоав Блум Руководство к действию на ближайшие дни:
ISBN 978-5-389-16412-3

Аннотация

«Руководство к действию на ближайшие дни» молодого израильского писателя Йоава Блума каждому, любому не поможет. Оно пригодится лишь неудачнику Бену Шварцману, бывшему библиотекарю на три четверти ставки, который к тому же совсем не пьет. Станные советы дает ему книга, запугивает и поддерживает, и среди прочего рекомендует к употреблению крепкие спиртные напитки особых достоинств. Если он этим наставлениям последует – что будет? Проснется ли он просто с тяжелой от похмелья головой или, может, совсем другим человеком?.. Вдруг «Руководство» поможет ему защититься от агрессивного мира? Или, напротив, в ближайшие дни Бен поймет условность границ между силой и слабостью, опытом и невинностью и растворится в этом самом мире?.. И справится ли со всем этим Бен Шварцман?

А все мы – каждый, всякий, ты, я – обречены ли оставаться только собой? Может, никому не вырваться из собственного заколдованного круга, пока некий Йоав Блум не написал «Руководство к действию» специально для него?..

Впервые на русском языке!

Содержание

1	7
2	13
3	25
4	36
5	43
6	62
7	91
8	95
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Йоав Блум

Руководство к действию на ближайшие дни

Yoav Blum

THE GUIDE TO THE NEXT FEW DAYS

Copyright © 2014 by Yoav Blum

All rights reserved

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Серия «Большой роман»

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© А. Л. Полян, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

* * *

*Кудрявой Сигаль Фучкин,
поклоннице Джонни Деппа*

1

Во-первых, давай-ка поговорим начистоту.

Ты лежишь в кровати, все еще одетый. Правда, ботинки снял – уже хорошо, спасибо.

Читаешь книгу: держишь ее на весу одной рукой, а другую положил под голову. И вдруг понимаешь: что-то не так.

Твои подозрения, в сущности, оправданны. Но ты, видимо, решил прочесть еще несколько строк.

Постельное белье у тебя бежевое, на стене напротив кровати висит до ужаса банальный пейзаж с закатом, на тумбочке – светильник, который ты никогда не включаешь: тебя бесит, как он жужжит. Картинку ты тоже хочешь заменить. Понимаю, на твоем месте и я бы так поступил. Ведь эта – как в гостиничном номере. Нужно найти что-нибудь менее хрестоматийное, хоть с какой-никакой изюминкой.

Эту книжку ты купил, поддавшись секундному порыву, час назад и главным образом потому, что на последней странице обложки напечатано твое имя. Ты подумал, что это просто забавное совпадение. Но это не так. Я серьезно, книжка – специально для тебя, и тебе еще предстоит это понять.

Понять, что эта книжка создана специально для того, чтобы ее прочел ты, – очень важно. Это поможет тебе выжить в ближайшие дни.

У двери – твоя сумка, тяжелая, набитая под завязку без

разбора – совершенно бесполезными распечатками интернет-сайтов, книжками, которые никто не читает (ну, то есть никто, кроме тебя).

Надо сказать, с твоей стороны весьма безответственно было оставлять там сумку. Когда дверь твоей квартиры взломают – а это случится примерно через... дай-ка посмотрим... одиннадцать минут, – ты явно не захочешь, чтобы они нашли то, что ищут, прямо у входа. Ах, какое дилетантство с твоей стороны!

Выплюнутая жвачка в боковом кармане тоже не делает тебе чести. Ты уже забыл о ней, я знаю. Но она лежит там. Па-кость какая.

Нет-нет, не отвлекайся, читай дальше!

Ты приподнялся, опершись на локоть, – и очень скоро со-берешься отложить меня в сторону и пойти умыться. Не делай этого.

Я знаю, все это неприятно, но, поверь, я на твоей стороне.

Тебя зовут Бен, тебе тридцать лет, ты работаешь в местной газете, которую толком и не читаешь. Твоя задача – добавлять интересные подробности в статьи. У тебя в голове куча бесполезных фактов, ты знаешь? Но не будем об этом. Сейчас есть куда более срочные дела.

Тебе слегка не по себе, я знаю. Мне до сегодняшнего дня не приходилось испытывать ничего подобного, но тут уж я согласен: вдруг обнаружить, что книжка, которую ты чита-

ешь, ведет диалог с твоими мыслями, — это любого собьет с толку.

Лучше дыши глубже. Набери побольше воздуха в нос — и медленно выдохни через рот.

Через рот, я сказал!

Отлично.

Знаешь что?

Остановись-ка. У тебя получится.

Отложи книгу на секунду, пусть полежит на кровати. Ляг, следи за вдохами-выдохами. Успокойся.

Теперь можешь даже сходить умыться, как и собирался.

Но обязательно возвращайся, нужно же дочитать.

О'кей. Так лучше?

Прекрасно.

Так вот, я хочу, чтобы ты сделал следующее: спокойно, без паники, встань и подойди к окну.

Подходи сбоку, чтобы тебя не заметили.

Теперь немного задерни занавеску и выгляни на улицу: нет ли там человека в черном плаще и синей бейсболке?

Он стоит в стороне, но смотрит прямо на твое окно. Постарайся, чтобы он не заметил, что и ты на него смотришь. И снова слушай меня.

Снова слушаешь, прекрасно.

Будь здоров, кстати. Да, занавески у тебя страшно пыльные. Но этим ты займешься как-нибудь в другой раз.

Ты заметил его, не правда ли?

Так вот, знай, что через несколько минут ему надоест стоять там и ждать и он подойдет к твоему дому. Медленно поднимется по лестнице, спокойно так, и позвонит в твою дверь. Потом постучит несколько раз, и если ты ему не откроешь – он взломает ее, зайдет в квартиру – и начнет переворачивать все вверх дном.

Нет, ну не в прямом смысле – «переворачивать». Когда ты вернешься в квартиру, в ней не будет свалки из пустых ящиков комода или, там, груды перьев из подушек в ванной. Так он не работает.

Он не такой, как все обычные взломщики. Он внимательно осмотрит все, что есть в квартире, но не оставит даже отпечатков пальцев.

Понимаешь, у тебя есть одна вещь, совершенно исключительная, которая очень интересует одну группу людей.

И сейчас эта вещь у тебя в сумке, под дверью.

Ясное дело, что, если ты откроешь ему дверь, все будет гораздо хуже. Он может тебя убрать глазом не моргнув. Мы с тобой и то испытываем больше эмоций, когда давим тараканов. Вспомни, когда ты в последний раз это делал. Потом было минут пять... скажем, смятения, да?

Так вот, у таких людей, как тот, который сейчас поднимется к тебе, набор инстинктов совсем другой. Если тебе что-нибудь попадет в глаз, ты моргнешь. А если ему кто-нибудь попадет в поле зрения – он свернет этому кому-нибудь шею. Похоже, но не совсем.

Ты просто препятствие на его пути. Лучше будет, если тебя не окажется здесь, когда он придет.

И тут появляюсь я.

Послушай меня. Точнее, читай меня внимательно.

Пойди в кабинет и возьми в углу маленький рюкзачок.

Вынь из него все.

Положи в него меня, бинты из шкафчика с лекарствами, который у тебя в ванной, зубную щетку, бутылку виски – из сумки, которую ты положил под дверь. Ну и кошелек, естественно.

После этого убирайся из дома – как минимум, на ближайшую ночь. Но сейчас, мой новоиспеченный друг, выйти через дверь у тебя уже не получится. Человек в бейсболке войдет в дом с минуты на минуту. Боюсь, что тебе придется вылезать в окно. Не в спальне, а в кабинете. Да, вон в то.

Там есть на что встать ногами, не волнуйся. На стене имеется выступ. Надень что-нибудь потеплее, какую-нибудь куртку, повесь рюкзак на спину, заберись на подоконник – и выходи в окно. Первые два с половиной метра придется идти медленно, ставь пятку одной ноги прямо к носку другой – и так, пока не дойдешь до водосточной трубы. Слава богу, что ты живешь в доме, на котором снаружи еще есть водосточные трубы.

Спустился по ней – тоже осторожно! Не возвращайся до-

мой до утра. А еще лучше, если ты придешь дня через три.

А теперь самое главное:

не забудь взять меня с собой.

Ближайшие дни будут сумасшедшими – но на меня ты сможешь положиться. Просто пользуйся этой книгой как следует.

Каждый раз, когда будет нужно, – бери меня, открывай случайным образом на любой странице и читай. Но только когда это будет действительно необходимо, хорошо?

Когда придет время – я объясню тебе, что делать дальше.

А сейчас – вали отсюда. Времени у тебя – минута-полторы.

До встречи.

Мама дорогая, какая странная приемная!

То, на чем он сидел, – те, кто здесь работал, почему-то настойчиво называли это диваном (например, говорили: «Подождите здесь, на диване, через пару минут я освобожусь и подойду») – издавало скрип, стоило Бену лишь пошевелиться или даже просто глубоко вздохнуть. Предчувствие говорило ему, что, если он сдвинется вправо сантиметров на двадцать, его задница окажется, по крайней мере, на обивке, но он боялся, что диван издаст слишком громкий вопль, – и тогда немедленно на защиту к нему прибежит чувак с оружием, не дав ему даже рта раскрыть, чтобы объясниться.

Вообще, обстановка производила впечатление полного хаоса. Сбоку стоял книжный шкаф – в нем было сложено огромное количество вещей, которые вовсе не были книгами. Абажуры, например, или небольшие скопления предметов, похожих на пергаментные свитки.

Одна стена – зеленоватая, а та, что напротив него, – кремовая. От стены до стены – толстый, узкий и длинный ковер – дикая мешанина давно выцветших красок, которая выглядела как глубокий психоделический трип. На ковре – низкий столик, и на нем – набитая опилками голова леопарда, которая когда-то, судя по всему, висела на стене, рядом – пергаменты. Казалось, что леопард проиграл в покер и все еще во-

ет от досады, хотя игра закончилась уже несколько лет назад.

Бен задумался: кому пришло в голову притащить голову леопарда в приемную адвоката? Да и ковер... Некоторые вещи невозможно понять, если не проникнешь в голову к тому, кто их сделал. Больше всего Бена изумляло огромное, как на заводе, окно, из которого мог бы открываться панорамный вид на город, располагайся кабинет этаже на пятидесятом, но здесь, на четвертом этаже и с этой стороны, из него открывался вид разве что на многообразие водяных баков на крышах Гивъатаима¹.

Солнце уже садилось в море, и водяные баки жадно глотали последние его лучи.

Обычно в это время он задумчиво брел к дому. На пути, который отделял одиночество на работе от одиночества дома, Бен мог отвлечься от своих мыслей, сосредоточиться на том, как он идет, не наступать на стыки тротуарных плиток – и не потому, что это важно, а потому, что так интереснее. Просто чтобы снять напряжение и не совершить какой-нибудь непоправимой ошибки.

Дорога обычно занимала семнадцать минут: от двадцати четырех до двадцати пяти тысяч шагов. Естественно, в дождливые дни – или когда он нервничал и шел быстрее – число было другим. Например, если он уходил с работы попозже,

¹ *Гивъатаим* – район Большого Тель-Авива (городской агломерации Тель-Авив – Яффо), находящийся между собственно Тель-Авивом и Рамат-Ганом.

то до дома шел слишком широкими шагами – и тогда их было всего двадцать три тысячи.

Бен снова убедился, что сумка лежит как надо, – он поставил ее на пол между ногами.

В сумке было полно бумаг, которые давно пора выкинуть, и разных книг, которые нужно прочесть, чтобы добавить всяких подробностей в позавчерашний репортаж. Рядом с распечаткой текста о том, как где-то ждут международную группу спасателей, лежали сломанный маленький калькулятор, кусочки пазла – поди знай, что это – части неба или воды, – обертки жвачки, пастилки, старые монеты, просроченный баллончик слезоточивого газа, пакет соевого молока, который чудом еще не порвался, и несколько журналов, свернутых трубкой, причем максимально неумело.

А, и еще маленький нетбук, на диске которого – почти вся жизнь Бена. Он всегда верил в резервные копии – просто ему ни разу не удалось претворить в жизнь эту веру.

Дверь около дивана распахнулась – и на пороге возник женский силуэт.

Это была молодая девушка, с блестящими, черными, коротко стриженными волосами, одетая в синие джинсы и облегающую черную блузку. В одной руке у нее была бутылка виски, другой она запихивала в задний карман джинсов конверт. Она равнодушно скользнула глазами по Бену и его

дивану и, перед тем как выйти из приемной, еще раз обернулась на прощанье, изобразила улыбку уголками губ и закрыла за собой дверь.

Из-за двери, откуда только что выскочила девушка, высулась сидящая и лысеющая голова.

– Пожалуйста, входите, господин Шварцман, – сказала голова и снова исчезла.

Бен медленно встал с дивана (который издал обиженный скрип) и взял с пола свою сумку.

Он одернул футболку, провел пальцами по волосам. Не потому, что решил привести себя в порядок перед встречей. Он вообще не понимал, зачем он здесь находится. Это была просто привычка: после этой небольшой процедуры он меньше нервничал.

Непонятных и непредсказуемых встреч он не любил.

Неуверенной походкой он вошел в комнату.

– Входите, входите, – кивнула лысеющая голова, возвышающаяся над широким деревянным столом. – Садитесь, пожалуйста.

Хозяин указал на стул напротив.

В офисе, в отличие от приемной, был полный порядок и почти футуристический дизайн.

За спиной адвоката тянулись полки книг, без пыли, с матовыми стеклами. На столе – белый блестящий ноутбук, надкушенное огненно-красное яблоко; рядом – стандартные семейные фотографии и канцелярская подставка для ручек.

Адвокат Стушберг сидел в высоком черном директорском кресле. Кресло напротив тоже выглядело так, что на него можно сесть не боясь.

Паркетный пол.

На стене – дипломы, фотографии с министрами и даже одной топ-моделью с застывшей улыбкой.

Кондиционер.

Бен сел и положил на пол сумку, которая немного раскрылась, как обычно. Полсекунды помедлил, потом опомнился и протянул руку через стол.

– Здравствуйте.

Стушберг пожал его вялую руку.

– Здравствуйте, – сказал он. – Спасибо, что зашли. Я так понимаю, что мой звонок был для вас большой неожиданностью.

Бен пожал плечами. Он никогда не знал, как отвечать на то, что и так само собой разумеется.

Адвокат положил руку на стол.

– Ладно, – сказал он и постучал пальцами по столешнице. – Значит, так.

Он развернул к Бену фотографию, которая лежала на столе:

– Узнаете, кто это?

Бен наклонился и поправил очки:

– Э-э-э... справа – вы, мне кажется.

– Верно.

– А слева, если я не ошибаюсь, – Хаим Вольф. Вы оба здесь моложе, чем сейчас.

Стушберг улыбнулся и покачал головой.

– Гораздо моложе, – сказал он. – Эта фотография сделана лет сорок назад, когда мы оба были молоды и красивы. Но я рад, что вы узнали нас обоих. Особенно Вольфа.

– Вольфа? Так это из-за него я здесь?

– Мы с Хаимом Вольфом встретились всего за два месяца до того, как был сделан этот снимок, и могу сказать, что уже через пятнадцать минут этот парень мне понравился. Он был старше меня лет на пятнадцать, но, несмотря на разницу в возрасте, мы подружились. За многие годы мы набедокурили вместе немало, но почему-то в последнее время связь между нами практически прервалась. Я понятия не имел, что с ним. И вдруг год назад он позвонил мне. Я узнал, что он живет в доме престарелых, что у него нет родственников и к нему никто не приходит, что дела у него шли... как бы сказать... не лучшим образом.

Бен хотел сказать, что еще совсем недавно думал, что Хаим Вольф – один из самых здоровых и жизнерадостных стариков, которых он когда-либо встречал; и вот неделю назад узнал, что тот умер во сне. Но человек, сидящий напротив него, говорил так вдохновенно, что встревать и грузить его фактами не хотелось.

– Вольф попросил, чтобы я заехал к нему в дом престаре-

лых, а я, разумеется, охотно согласился. Встреча получилась хорошая. У Вольфика всегда было чувство юмора. Жизненный опыт, понимаешь, дает тебе перспективу. Так или иначе, после того, как каждый рассказал о своем: я – о своих женщинах, а он – о своих медсестрах, – выяснилось, что Вольф позвал меня, чтобы написать завещание. «Ты единственный адвокат, кого я знаю, – сказал он. – Тебе известно, что с твоими коллегами я не в ладах, а мне нужен тот, на кого я могу положиться».

В тот вечер мы сидели и вместе писали завещание. Одно из наиболее странных завещаний, которые мне когда-либо пришлось записывать. Все, что было у Вольфа – по крайней мере, в его комнатке в доме престарелых, – он решил оставить тем, кто заботился о нем. Другим людям он попросил отдать всего две вещи: две бутылки старого виски, к которым он, видимо, относился особенно трепетно.

Стушберг повернулся в кресле, снова постучал пальцами по столу, искоса посмотрел на Бена:

– Откуда вы знали Вольфика?

Бен не знал, какую версию хочет услышать адвокат, и выбрал самую краткую.

– Иногда я приходил к нему в гости. Мы сидели, болтали, играли в шахматы. Он любил шахматы, особенно когда выигрывал.

Стушберг кивнул:

– Да, он любил выигрывать. – Он потер лоб, как будто

пытаясь успокоить разбушевавшиеся мысли. – Я не работаю адвокатом уже почти десять лет, – сказал он. – Я ушел из профессии, пусть и неофициально. Я занимаюсь то театром, то дизайном интерьеров, но самый большой заработок приносят коллекционеры. Люди, которые собирают самые разные вещи, обращаются ко мне с просьбой найти какой-нибудь редкий экземпляр. Я езжу по всему миру – и получаю за это неплохие гонорары. Живу куда лучше, чем когда работал адвокатом. Но Вольф не знал, что я бросил адвокатуру. Уверял, что в деле, которое касается двух этих сраных бутылок виски, он может положиться только на меня.

На несколько секунд Стушберг опустил голову, а потом встал и отошел к стене. И пока Бен думал, которой из новых профессий адвоката приемная обязана своим дизайном, тот открыл стеклянную дверцу и набрал код из пяти цифр. На высоте человеческого роста находился сейф.

Послышался свист – и звук отодвигающегося засова.

Бен отклонился: адвокат / театральный деятель / дизайнер интерьеров / антиквар грохнул бутылку на стол.

– Гленфиддик, – сказал Стушберг. – Тридцать лет. Виски, не ерунда какая-нибудь. – Он нежно провел пальцами по бутылке. – Крепкое, но с фруктовым насыщенным вкусом, с медовыми и пряными нотками и отличным «дымным» послевкусием. – Он посмотрел на Бена. – Не понимаете, о чем я?

– Я не пью, – сказал Бен. – У меня... э-э-э... алкоголь не

усваивается.

– Ничего страшного, – ответил Стушберг. – Я пью, и немало, но и я понятия не имел, что это за виски. Я почитал о нем лишь после того, как получил его от Вольфа, и теперь могу цитировать красивые фразы со словом «фруктовый». Но ведь есть вещи, которые нужно чувствовать, а не только представлять себе. – Он достал из ящика два блестящих стакана. – Хотите, вместе попробуем?

Бен уставился на него и лишь через пару секунд сообразил, что ответить:

– А, не. Я не пью. Не сейчас. Лучше сохраним его для другого случая.

Поставщик антиквариата разочарованно скривился.

– Ну ладно, – сказал он, – но вы должны уметь пить виски.

Он наклонился к растерянному молодому человеку и деловито стукнул пальцем по столу:

– Не отказывайте этому напитку в заслуженных почестях. Он тридцать лет ждал вас в бочке. Тридцать лет! И это не считая того времени, что он провел в бутылке. Есть бутылки, которым лет сорок-пятьдесят... Этот напиток узнал кое-что важное об этом мире, и все его существование было подготовкой лишь к одному моменту – когда он попадет вам в рот. Поэтому не глотайте это виски залпом, лишь бы только «забрало». Подержите его во рту, покатайте его, пожуйте – это минимум того, что вы можете для него сделать. И это стоит того. Оно перестанет обжигать, станет терпимым на вкус, из

терпимого – интересным, а из интересного – целой историей.

Используйте его, чтобы достичь спокойствия, а не чтобы отрубиться и забыться. Под виски нужно разговаривать о сущности и смысле жизни, под виски хорошо проходит тихий вечер – когда вы с любимой смотрите друг на друга; под виски хорошо посмеяться со старым другом. Хотите опьянеть? Для этого есть водка. Виски – для продвинутых пользователей. Его пьют только для того, чтобы снять слой лжи, которым покрыта наша жизнь.

И главное – не пейте его в одиночестве. Выпивать надо с другом или подругой. Не важно, что будут пить при этом они. Главное – чтобы вам было о ком вспомнить, когда будете пить виски в следующий раз.

Стушберг, довольный, откинулся на спинку кресла и посмотрел на Бена тем взглядом, которым зрелые люди одаривают молодых, посоветовав им что-нибудь и заранее зная, что к совету те никогда не прислушаются.

Бен посмотрел на него, на бутылку – и снова на него. Когда одна бровь адвоката дернулась, он чуть было не сказал «хорошо», но Стушберг тут же признался с улыбкой:

– Честно говоря, это я тоже вычитал. На самом деле я ничего не знаю про виски. И вообще, я люблю вино. Но эти слова звучат правильно.

Адвокат резко встал, поднял бутылку виски и протянул ее

Бену.

Бен встал неуклюже, взял бутылку одной рукой и кое-как засунул ее в расстегнутую, словно в ожидании, сумку, лежавшую у его ног. Одна попытка, вторая, третья – и сумка застегнулась, поглотив бутылку виски, как если бы это был очередной технологический журнал.

Они молча пожали друг другу руки, стоя по обе стороны стола.

Теперь Бен не знал, куда деть руки. Они свисали по бокам, как переваренные макароны. Надо что-то сказать – не просто спасибо, а какую-нибудь эффектную заключительную фразу. О Вольфе и о том, как осуществилось его последнее желание. Или о том, как человек, стоящий сейчас напротив, исполнил это желание. Короче говоря, надо как-то красиво завершить эту беседу.

В конце концов он спросил:

– Восемьдесят второй автобус еще ходит?

– Понятия не имею, – отвечал адвокат.

Бен покивал головой, как будто хотел сказать: «Да-да, конечно-конечно», поднял руку на прощание – можно было, конечно, порешительнее, – быстро выскочил из кабинета и прошел мимо леопарда в экстазе и всех прочих экстравагантных вещей.

С входной дверью пришлось повозиться, но наконец он ее открыл, с трудом удержался, чтобы не оглянуться – не смотрит ли на него Стушберг? – а потом сбежал вниз по лестни-

це, не останавливаясь, и вдруг понял, что придется подниматься обратно, потому что он добежал почти до подвала.

Даже через толстую дубовую дверь можно было услышать, как по дому разливается звонок.

Он ждал – и понимал, что в камеру прекрасно видно его лицо. Надел то, в чем обычно ходил по домам: черный пиджак с легкой искрой, скроенный точно по его фигуре, белую хлопковую рубашку, достаточно свободную – и в то же время достаточно официальную, свободную настолько, чтобы в ней было удобно быстро двигаться, если что; дизайнерские брюки из очень дорогой ткани, легкие элегантные черные ботинки. И без темных очков. Когда идешь в чужой дом, глаза должны быть видны.

Ну и по мелочи. Пистолет с коротким стволом, тонкое лезвие в подошве ботинка, ремень, который можно обмотать вокруг чего угодно. Когда ходишь по домам, нужно соблюдать все предосторожности. Его уже не раз пытались убрать – для гарантии, что он ничего не выдаст. Хорошая одежда работает на его реноме, а все остальное – для самозащиты.

Он постарался встать как можно удобнее. Правая рука свободно лежит в кармане брюк, левой он держит ручки подарочного пакета с бутылкой вина. Что сейчас будет – он знает как свои пять пальцев. Ему предстоит пройти три рубежа: младшего охранника, который смотрит на камеры, его начальника, который должен дать добро на вход, и охранни-

ка на входе, который должен исполнить команду и открыть ему дверь. Они тут действуют быстро, и вся история займет у него полминуты, не больше.

Дверь открылась, и на него уставилось лицо с огромным подбородком. Знакомая морда, про себя он называет его «Пятый». К сегодняшнему дню он успел насчитать семерых мужиков с непроницаемым взглядом, которые повсюду сопровождают его нынешнего босса и охраняют дом. У Пятых – карие глаза, татуировка с какой-то длинной надписью – она начинается где-то на плече, а из-под рукава выглядывает только ее конец – и бицепсы, которые явно участвовали не в одной карательной операции.

Он улыбнулся, представляя себе расправу над этой гориллой: он перережет ему глотку, а тот даже не успеет ничего сообразить. Пятый был ошибкой босса, одной из немногих: он редко прокалывался с выбором охранников. Быстрота реакции и способность предвидеть последствия важнее, чем грубая физическая сила. Он предположил, что босс оставил Пятых в охранниках – пусть и сделал его наполовину портье, который только открывает двери, – по необходимости или по каким-то сентиментальным соображениям. Пятый открыл дверь и легким движением головы пригласил его войти.

Слов не нужно. Они уже знакомы, уже знают процедуру: чем меньше разговариваешь с людьми, тем меньше знаешь – и тем меньше тебе нужно волноваться, что ты получишь неверную информацию. Во время таких визитов все заинте-

ресованы в том, чтобы общения не было.

Он быстро оглядел холл: не изменилось ли что. Та же аляповатая скульптура справа, тот же огромный цветочный горшок у лестницы, зеркало, как всегда, блестит, на стене все еще висят портреты дедов – достаточно заметные, чтобы дать понять, как важно прошлое, и достаточно незаметные, чтобы дать понять, что не так уж оно и важно. Картина маслом – балерина – по-прежнему на стене слева, и та же люстра без лампочек неподвижно свисает с потолка.

Как и каждый раз, входя в комнату – в любую, – он продумывал стратегию действий на случай, если на него нападут: что можно будет использовать как оружие, что – для защиты, каково пространство для маневра. В холле ничего принципиально не изменилось – и он вернулся в обычную для себя степень готовности.

Пятый едва махнул рукой налево, в сторону коридора. Смысл был такой: «Туда. Босс в библиотеке».

Он развернулся и пошел.

Его нынешний работодатель решил построить библиотеку там, где когда-то был летний сарай или, может, пристройка для гостей, и теперь, чтобы в нее попасть, нужно было сначала пройти по крытой галерее, которая огибала продолговатый бассейн во дворе. Никогда не бывало, чтобы в бассейне кто-нибудь плавал, но у бортика всегда сидел Шестой – смотрел, что происходит.

Не происходило там ничего. Никогда.

Ему порой становилось интересно, каково это – иметь такую работу? Вставать с утра, надевать тонкий костюм, засовывать в задний карман брюк из черного полиэстера пистолет – и сидеть у пруда восемь, десять, четырнадцать часов в сутки, только чтобы «сторожить». А потом – возвращаться домой. Разогреть готовую еду в микроволновке, смотреть телевизор – и спать. Жить ограниченной жизнью, быть примечанием к жизни другого человека. Того, кто платит тебе, чтобы ты ради него был бдительным и напряженным двадцать четыре часа в сутки, и ставит тебя сторожить во дворе за забором, где почти никогда не проходят чужие, над блестящей водой бассейна, куда ты никогда не окунешься.

Он медленно пошел по галерее. На левой стене висели фотографии его работодателя, сделанные в разных уголках мира. Вот он на фоне пирамид в Южной Америке, а вот – на берегу Ганга в Индии, в кабине пилота пассажирского самолета, в толпе на бразильском карнавале. Взгляд – изучающий, холодный, оценивающий – никогда не направлен в камеру, губы тонкие, вытянутые в прямую линию.

Легкая усмешка искривила его губы только на одной-двух фотографиях. Человек, идущий по галерее, присмотрелся тщательнее, но все равно не смог понять, что это: игра света и тени на лице работодателя или редкая ситуация, когда что-то вдруг вызвало у него такое глубокое презрение, что его

губы тронула едва заметная холодная улыбка?

Ни одной фотографии с сильными мира сего. Ни политиков, ни рок-звезд, ни киноактеров. Работодатель предпочитал не отвечивать. Никто не будет гоняться за тем, кого не знает. Денег на счетах у человека, ожидавшего его в библиотеке, было в несколько раз больше, чем у миллионеров, которые стремились попасть под вспышки фотокамер, толпами набивались на голливудские ужины, или у приближенных к власти, которые пытались оказать влияние на происходящее и подкупали политиков. Нет, его работодатель презирал и их. Самое главное всегда происходит за кулисами, в глубине – и всегда тихо. Он зарабатывал деньги, а не производил впечатление.

Справа через каждые два метра стояли круглые колонны в греческом стиле – они поддерживали потолок. За ними – бассейн, широкий двор и Шестой, который следил за ним своими маленькими глазками.

А его забавляла мысль, что если он вытащит оружие в тот момент, когда будет проходить за одной из колонн, то Шестой не успеет отреагировать, и он спокойно всадит в него пулю.

Библиотека, крепкая деревянная постройка, находилась в углу двора.

Будь она в другом месте и принадлежи кому-нибудь другому, можно было бы подумать, что это небольшой домик

для отдыха в живописном лесу, – но вот незадача: в ней не было окон.

Он постучал в дверь кулаком. Раз, два, три.

– Да, – донеслось изнутри.

Он открыл дверь и вошел.

Интерьер библиотеки был еще более впечатляющим, чем ее вид снаружи.

Большое вытянутое помещение, все целиком из дерева, вдоль стен без окон – длинные полки. Одна стена сплошь заставлена полками с книгами – агрессивная попытка создать образ аристократа и интеллектуала. На стене напротив – такие же полки, но вместо книг на них стояли бутылки. Вина разных сортов, виски, ром, старые и необычные марки пива, кое-где – водка. Эти полки были просторнее. Книги страшно теснились – а бутылки размещались на почтительном расстоянии друг от друга. Некоторые полки стыдливо пустели. Одни бутылки – полные, другие – заполнены лишь наполовину.

В дальнем углу комнаты находился большой деревянный стол с лампой, а над ним лениво вращался большой металлический вентилятор. Поближе к двери – большое кресло, слегка потертое, а рядом с ним – низкий столик, на котором лежали три книги и стояла маленькая мраморная пепельница.

В кресле сидел его нынешний работодатель в краснова-

то-лиловом сатиновом халате, с толстой сигарой в руке, – он еще не успел поднять глаза на дверь и заметить человека на пороге.

У него был большой нос, пальцы – толстые, как дешевые сардельки, подбородок казался дряблым мешочком жира; глазки были такие маленькие, что все внимание привлекали к себе мощные черные кустистые брови, которые придавали его лицу вечно сердитое выражение. Его черные редящие волосы на темени были уложены тщательно расчесанными прядями. На первый взгляд могло показаться, что он выглядит слегка нелепо. Но стоило провести с ним пару минут в одном помещении – понаблюдать за его неспешными движениями, посмотреть, как он скашивал на тебя глаза, послушать, как он нараспев произносил слова, – и становилось совершенно ясно, что в этом человеке таится еле сдерживаемая сила, которая ждет своего часа, чтобы вырваться и уничтожить все вокруг, да и тебя – если ему только захочется. Сила, которая сама приводит себя в действие, как вечный двигатель.

Он стоял и ждал, пока человек в кресле ему что-нибудь скажет.

Он не любил эту библиотеку. В ней не было окон, а дверь была только одна: если придется спасаться бегством – крайне невыигрышная ситуация. Кресло слишком тяжелое, чтобы пользоваться им как оружием, а столик прикручен к полу – тоже проблема.

И в довершение всего он испытывал какое-то угнетающее, удушающее ощущение. Как будто это место было насквозь пропитано духом хозяина. Он чувствовал, что если только позволит себе неверную мысль, комната это поймет – и стены проглотят и раздавят его, а потом, как хищный цветок, который уже переварил муху, снова распрямятся, и мощный вентилятор просто впустит в комнату свежего воздуха – и даже запаха от этой мухи не останется.

– Слишком рано, – сказал человек в кресле. – Ты говорил, что это займет два месяца как минимум.

– Задача оказалась гораздо проще, чем я думал поначалу. Они не охраняли его как следует, – сказал он.

– Я видел в новостях. Они, похоже, понятия не имеют, как тебе удалось войти.

– Я не уверен, что они понятия не имеют, но мне кажется, что в нынешней ситуации им не особенно хочется меня искать.

Миллионер устремил на него взгляд – но лицо осталось непроницаемым.

– Что ты принес на этот раз? Что в бутылке?

Он достал вино, которое принес с собой, поставил на столик рядом с пепельницей.

– Здесь все, – сказал он. – Составление плана, проникновение в музей, само ограбление и три дня охоты. Ну и была короткая погоня – несколько часов.

Сигара легко легла на пепельницу, а человек в халате взял бутылку вина, повернул ее и сосредоточенно оглядел.

– Каберне совиньон, – сказал он наконец.

– Да. Конкретно эта бутылка – американского розлива: сюда подмешано и каберне фран. Это сочетание позволяет прочувствовать и медленное подробное планирование, и стремительность погони.

– Как именно тебе удалось сбежать оттуда? – Черная бровь слегка дернулась.

Он промолчал.

Человек в кресле одобрительно покивал:

– Понятно, понятно. Не надо спойлеров. Но почему именно бриллиант? Мы же в свое время говорили о статуэтке, разве нет? Уж это-то ты можешь мне рассказать.

– Бриллиант, – ответил он, – красть было поинтереснее и посложнее.

– И что ты с ним сделал?

– Отправил обратно в музей по почте, когда точно понял, что они потеряли мой след.

Работодатель снова взял сигарету.

– Значит, ты полтора месяца разрабатывал план, как бы проникнуть в музей, проник туда, украл бриллиант в две с половиной тысячи каратов, собственность голландской королевской семьи, ушел от полиции, а потом послал его обратно по почте?

– Бандеролью.

– Бандеролью?!

– Бриллиант не был моей целью. Хранить его было ни к чему, да и опасно. Раз они получили его назад, искать меня будут с куда меньшим усердием, – ответил он.

– Прекрасно, прекрасно. Профи! Это мне нравится. И ты мне нравишься.

– Спасибо, босс.

– У меня новости.

– Да? Слушаю вас.

Хозяин откинулся на спинку кресла, халат его приятно зашелестел.

– Помнишь мерло, которое ты приносил полтора года назад?

– Это когда вы отправили меня в Монте-Карло?

– Да.

– Помню.

– Я хочу еще одну такую бутылку. Не только для себя, но и для друга. Хочу, чтобы он тоже получил удовольствие.

– Понятно.

Да, как же, друг. Как будто у тебя есть друзья. Ты просто не хочешь показать, насколько ты жаждешь крови. Но этим-то как раз меня не удивишь.

– Только без слишком экстравагантных действий. И без великих целей. Я хочу только переживание – и все. Не нужно ездить в Монте-Карло. Что-нибудь попроще и поближе.

Можешь просто найти какого-нибудь бомжа и пустить ему пулю в голову.

– Ясное дело.

– Или задушить – как сочтешь нужным.

– Понятно, босс.

– Главное, сделай это, как я люблю. Немного театрально, с разговорами, атмосферно. Я хочу видеть его глаза, когда он поймет, что происходит. И... я хочу, чтобы это произошло в ближайшие дни.

– Не вопрос. Я буду здесь с новой бутылкой мерло через пару дней.

– Обязательно мерло?

– Нет, но мне кажется, что лучше именно мерло. По моему опыту, оно лучше подходит для таких вещей – насильственных, и при этом на расстоянии. Или, может быть, вам хотелось бы чего-нибудь другого?

– Нет-нет. На самом деле все равно.

Босс еще раз легко затянулся сигарой.

И уставился в пространство.

– Это все. Можешь идти. Деньги за каберне я переведу тебе сегодня до вечера.

– Спасибо, босс. Хорошего дня.

Он резко развернулся и вышел из библиотеки. Солнце уже село. Шестой пробуравил его своим равнодушным взглядом с той стороны бассейна.

Мадам Вентор тащила за собой маленькую сумку-тележку, ее колеса погромыхивали на плитках дорожки, шедшей через кладбище.

Вечерело, воздух немного остыл, дышать стало легче. Перед своей обычной вечерней прогулкой она решила, что пора сходить на кладбище, как она давно себе обещала, – но, как видно, свернула не туда и теперь бродила между надгробий и шурилась, чтобы в сумеречном свете отыскать, куда же, черт побери, Хаим Вольф решил спрятаться на этот раз.

Наконец, вспомнив маршрут и найдя нужный поворот, она увидела в конце дорожки свежий холмик. Быстро подошла к нему, волоча за собой тележку, встала рядом с недавней могилой – и тяжело отдышалась. Наверху холмика был воткнут шест с картонной табличкой, а на ней всего два слова: «Хаим Вольф».

У могилы уже кто-то стоял.

Высокий и худой, рубашка висит. Тощая шея, торчащая из воротника, изрытое морщинами лицо. Он ссутулился, нагнув голову над могилой, взгляд был устремлен на табличку – можно было подумать, что это убитый горем родственник покойного. Но то, как он сжимал в руке трость, выдавало в нем силу и решимость действовать.

Он не опирался на палку, как это обычно делают стари-

ки. Он держал ее по-другому: так трость хватают, чтобы воткнуть ее в землю, оттолкнуть от себя земной шар, чтобы земля точно не полетела вдруг на тебя.

– Как дела, Гершко? – спросила мадам Вентор.

Профессор Ишаягу Гершковиц поднял на нее глаза.

– Вентор, – сказал он и улыбнулся, – где ты была все эти годы?

– Все там же, – ответила Вентор. – Мог бы зайти поздороваться, пройдоха.

– Ты же была занята, зануда.

– Чем, индюк? Походами к проктологу?

– Ты же ухаживала за мамой, – ответил профессор Гершковиц. – Я занимался тем же. Это отнимает уйму времени.

– Идиот.

– Старая перечница.

Так они стояли несколько минут и смотрели на могилу.

– Рад тебя видеть, Вентор, – сказал наконец старик, все еще пялясь на табличку.

– И я тебя, Гершко, и я тебя, – отозвалась Вентор.

– Ну вот и Вольфик ушел, – сказал Гершко.

– Да, видишь как. Там, наверное, условия лучше, – ответила Вентор. – В конце концов все туда уходят.

– Надеюсь, ему там хорошо.

– Я уверена. Он всегда знал, как хорошо провести время.

Если народ там не сообразит – он всех научит.

– Вот ведь как, – вздохнул Гершко. – После всего, что ты делаешь в жизни, все, что от тебя остается, – это горка песка. Интересно, вспомнит ли кто-нибудь потом, сколько места на самом деле занимал человек, который тут лежит.

– Части Вольфика находятся в куче разных мест, у кучи разных людей внутри, не забывай.

– Я знаю. И все-таки. Грустно, знаешь ли, смотреть на этот холмик.

– Точно так же можно сказать обо всех, кто здесь лежит, – сказала Вентор. – Тысячи мраморных досок с именами, а за каждым таким именем кроется целая история, которую уже почти целиком забыли.

– Для этого и умирать не обязательно, – ответил Гершко.

– Что ты имеешь в виду?

– Возьмем, к примеру, меня, – пояснил он. – Я взошел на четыре самые высокие горы в мире; голыми руками убил больше немцев, чем мог сосчитать, выступал в лучших цирках Венгрии – сражался с кобрами, пробежал всю Америку от берега до берега. Но когда студентки, которые снимают квартиру подо мной, сидят на балконе и курят, я слышу, как они говорят обо мне: «Этот милый старичок, что живет этажом выше». Понимаешь?! Когда я был молод, девушки их возраста краснели и искали, чем бы занять руки, стоило мне только войти в комнату. А теперь: «он такой милый, даже мусор выносит», «идет с покупками из супермаркета, сол-

нышко» или «такая лапочка, он уступил мне сегодня дорогу на лестнице – я так торопилась»...

– Ну, по крайней мере, они к тебе хорошо относятся, – сказала Вентор.

Гершко замахал на нее рукой:

– Девахи с дурацкими картинками на ногтях! Они ничего не понимают ни в мужчинах, ни в сигаретах! Обо мне можно сказать много чего, но лапочкой я не был никогда.

Мадам Вентор порылась в своей сумке-тележке и вытащила бутылку.

– Что это у нас? – спросил Гершко.

– Меня не было на похоронах, – сказала мадам Вентор. – И я решила прийти и выпить в честь Вольфика. По-моему, он бы оценил. Составишь компанию?

– А что конкретно будем пить?

– «Джек Дэниэлс», – ответила Вентор. – Без затей.

– Чистый или с добавками? – спросил Гершко. – Я не против добавок, просто хочу знать заранее.

– Чистый, – ответила мадам Вентор. – Виски, и все.

– Валяй, – сказал Гершко.

Она достала две рюмочки и дала одну из них старику. Открыла бутылку, поднесла к носу, оценила аромат – и разлила.

– Кто первый? – спросил Гершко.

– Ты, – ответила мадам Вентор.

Профессор поднял рюмку:

– Дорогой наш Вольфик. Как здорово было дружить и работать с тобой. Всем самым лучшим, что со мной произошло, я обязан тебе. Мы все время спорили, но я твердо знаю, что в конце концов твоя цель была высокой и благородной: ты хотел, чтобы люди лучше друг друга понимали, чтобы они были друг к другу по-настоящему привязаны, – и за это я снимаю перед тобой шляпу. Наше с тобой поколение, Вольфик, уходит. Даже самые юные в последнее время стали исчезать, и это не может не тревожить... Но ты всегда был для нас гигантом. Осколки этого огромного переживания, которое ты называл жизнью, разбросаны по всему миру. И каждый раз, когда твои мысли подхватывают и додумывают другие люди, для меня ты оживаешь. Салют, дружище.

Он поднял рюмку и слегка улыбнулся Вентор.

– Вольфик, – сказала она. – Я не смогла прийти на похороны. Надеюсь, что ты не сердишься. Ты никогда не сердился – и непонятно, с чего бы вдруг ты начал это делать теперь. Ты был верным другом. За годы своей жизни ты сумел прожить больше, чем одну жизнь. Я очень тебя любила – и благодарна тебе за все. Прости, что я так редко приходила к тебе в последние годы. У меня... у меня были всякие неотложные дела. Увидимся. Надеюсь, не так уж скоро – но точно увидимся.

Они осушили рюмки.

– Ух, – оценил Гершко. – Хорошее пойло.

– Уходящее поколение, да? – спросила Вентор.

– Слухи ходят тревожные, – сказал Гершко. – Один пропал в Бирме, двое погибли в аварии, нескольких унес какой-то странный пожар в Австралии, а один был в Южной Америке, лазил по скалам – и исчез.

– Думаешь, что кто-то?..

– Трудно сказать, – ответил Гершко. – Чтобы кто-нибудь специально это делал? Да, профессия опасная, но в последние пять лет происходят какие-то странные вещи, люди пропадают один за другим. Ряды все редеют, по слухам, но, честно говоря, я уже не настолько в курсе. Ты-то больше знаешь.

– О парне, который пропал в Южной Америке, я слышала, об авариях – тоже. О Бирме – нет, – ответила Вентор. – Похоже, дело принимает неприятный оборот...

– Теперь тебе нужно вырастить нам смену, – сказал Гершко.

– Пока об этом речь не идет, – возразила Вентор. – У меня нет для этого ресурсов.

– Тянуть уже нельзя.

– Посмотрим.

Они помолчали несколько минут.

– Ладно, – произнесла наконец Вентор. – Мне пора. У меня вечером смена. Посмотрим, выйдет ли что-нибудь из этого.

– Успехов, – буркнул Гершко.

– Останешься?

– Наверное, посижу тут еще немного, – сказал он. – Я никуда не спешу.

Вентор взялась за свою тележку.

– Рада была увидеться, профессор, – кивнула она.

– И я, кошечка, и я, – ответил Гершко.

– Только напомни-ка, в какой области ты профессор?

Гершко молча улыбнулся, и мадам Вентор развернулась и пошла, а за ней по дорожке загромыхала тележка.

Как ни странно, в этот вечер в «Неустойке» было не протолкнуться.

Оснат оглядела паб: нет ли где свободного стула. Увы. Были три свободных места у стойки, за которой она находилась, но за столиками, расставленными по пабу (насколько там можно было что-то «расставить»), было некуда впихнуть даже спичку.

Два часа назад, когда она пришла, мадам Вентор с веником ходила между столиками и подметала пол. Оснат махнула ей рукой – минутку, мол, – и побежала на второй этаж, в свою квартиру, чтобы оставить там подаренную бутылку и взять несколько новых дисков, которые она хотела поставить в пабе сегодня вечером. В программе был микс групп «Смитс», «Оазис», «Радиоход», немного «Битлов» – чтобы все были довольны. Попозже она, может быть, включит еще «Сабвейз» – для тех, кто засидится. Когда она спустилась, мадам Вентор в пабе не было, но зато у стойки уже сидел первый посетитель – и смотрел на Оснат.

– Палочки, – сказал Нати за ее спиной и поставил тарелку на полку между баром и кухней.

В «Неустойке» не было официантов как таковых. Оснат была и барменшей, и официанткой, и диджеем; она же от-

вечала на телефонные звонки (сколько талантов в одном человеке!). Если что не так – ей достаточно было процедить в сторону окошечка в стене: «Нати!» – и Нати выходил из кухни. Присутствие Нати обычно производило успокаивающий эффект; кто его видел – вдруг быстро понимал, что любой конфликт, вообще-то, можно решить, если просто вежливо поговорить. Он был огромный, с глазами навывкате и со шрамом от левого уха до шеи. Это Нати в четырехлетнем возрасте упал с качелей, но теперь шрам оказывал чудесное воздействие на всех, кто собирался завязать в пабе драку.

Оснат взяла тарелку и крикнула в зал:

– Кто заказывал морковные палочки с соусом?

За одним из столиков привстал мужичок в футболке в обтяжку и поднял руку.

Оснат поставила тарелку на узкую барную стойку, слегка улыбнулась и показала на блюдо рукой, как будто сочувственно.

– Спасибо, – сказал он и забрал тарелку к себе на стол.

– Приятного аппетита. Для глаз полезно, – ответила она.

Столики были рассчитаны на маленькие дружеские компании или на парочки, которые вдруг выбрали именно это место, чтобы познакомиться. У барной стойки сидели одиночки. Кто-то говорил слишком много, кто-то молчал. Сегодня собрались молчуны – эта публика нравилась Оснат боль-

ше всего. Немолодой бородатый мужик в зеленой кепке, с короткими большими пальцами и с плутовским взглядом искоса, молодой человек из дома напротив – с добрыми глазами, в шортах и футболке с дыркой около воротника, – который все время, пока пил пиво, тупил в телефон, и косоглазый худощавый парень – он сидел с блокнотом и время от времени записывал в него несколько слов, прихлебывая колу.

Барная стойка была очень узкой – всего пятнадцать сантиметров в ширину – ею человеку, открывшему здесь бар, пришлось пожертвовать, чтобы в зал можно было впихнуть лишних полстола; поэтому сидящие у стойки вынуждены были все время следить, куда они ставят стакан. В общем, большинству приходилось пить не у стойки, а за столиками. Потом хозяин понял, что его стойка самая узкая в Израиле, и сменил исходное название бара, «Дежавю», на более описательное.

«Неустойка».

Не самое, быть может, точное название, но звучит явно лучше, чем «Узкостойка».

Дверь открылась, и вошел молодой человек лет двадцати с небольшим. В сером деловом костюме, с дневной щетиной, с усталыми глазами.

Он дотащился до стойки и сел на стул возле нее:

– Пива.

– Какого? – спросила Оснат.

– Не важно, – махнул он рукой. – Главное, чтобы нормальной крепости и со вкусом пива.

Оснат наполнила стакан и поставила перед ним. Он посмотрел на нее и устало кивнул головой.

– Хм, тяжелый день, да? – спросила она.

Он снова кивнул и сделал глоток.

– Тогда слушай, – сказала Оснат и перегнулась через стойку. – Всегда все не так ужасно, как кажется. Скорее всего, этого не будет; он правда идиот, но главное, что зарплату все еще платят; все, что не убивает нас, – делает нас сильнее; если нельзя это изменить, что толку бороться; кому вообще она нужна – дерьмо, а не работа; и вообще хорошо, что ты там уже не работаешь; всегда будет другая возможность; иначе не бывает; нужно запастись терпением; пришло время научиться иногда говорить «нет»; главное – мыслить позитивно; а когда нельзя изменить действительность, лучше изменить свое отношение к ней.

– Что? – спросил он.

– Это все слова утешения, которые я знаю, – пожала плечами Оснат, – какие-нибудь из них тебе точно помогут.

Он слегка улыбнулся:

– Спасибо, у меня все хорошо.

– Да, ты действительно выглядишь счастливым, – сказала Оснат. – Извини, ошиблась. Пойду тренировать свои клише на ком-нибудь другом.

Он снова отпил из стакана.

– Нет-нет. В моем случае уже ничего не поделаешь.

– А, тогда так и говори, – ответила Оsnат. – Для тех, кто в отчаянном положении, у нас отдельная цена.

Он снова улыбнулся, а Оsnат стала протирать и без того чистый стакан.

– Что случилось? – наконец спросила она.

– Я влюбился.

– А она не ответила взаимностью?

– Что? Нет. Просто влюбился. Это недостаточно плохо?

– Почему плохо?

– Издеваешься? Все. Больше делать нечего. Конец.

– Что?

– Я думал, что у меня еще есть время. Боже мой, за что? Есть еще столько девушек! Почему Ты показал мне ее сейчас? Не жалко? – Он покачал головой, как будто не веря. – Ловушка захлопнулась.

– Захлопнулась – и все, дружище, – сказала Оsnат. – Захлопнулась – и все.

Да уж, немало странных типчиков попадает на этой работе...

– Ты здесь впервые, да?

– Да, – признался он.

– Первый стакан пива – за счет заведения, – подбодрила его Оsnат.

– Спасибо.

– Но второй – по двойной цене.

– Тогда...

– Шутка, успокойся, – сказала она. – Пей. И помни, что девяносто процентов людей по всему миру, которые сейчас сидят и пьют пиво, мечтали бы оказаться на твоём месте.

Бородач в зелёной кепке усмехнулся ей с другой стороны стойки.

– Что, Бижу? – спросила она.

Его действительно зовут Бижу? Ясно, что нет. Но так он представился, когда впервые сюда пришёл, и она не стала ничего выяснять.

– Ты сказала, что к тем, кто в отчаянном положении, отношение особое, – сказал он.

– Ты не в таком положении, Бижу. Мы знакомы достаточно давно.

– Я все слышу! – закричали из кухни.

– Соус в салате – дрянь! – закричал в ответ Бижу. – Самая настоящая!

– Ты имеешь в виду «Тысячу островов»? – спросила Оснат.

– Если бы. Тут даже трехсот островов нет, – сказал он. – А кроме того, пусть пока я и не в отчаянии, но если услышу ещё одну песню «Пиксиз» – тут же встану и пойду домой, вернусь с огнеметом и сожгу это место со всеми, кто тут сидит!

– А откуда у тебя огнемет? – с интересом спросила Оснат.

– Уж найду, – сказал он. – Может, мне друзья подарят.

Сегодня у меня день рождения, — может быть, кто-нибудь сделает мне сюрприз? Я приду домой — а там у двери огнемёт в подарочной упаковке?

— У тебя правда сегодня день рождения? — улыбнулась Оснат. — А что же ты молчишь?

— Ну вот, теперь говорю. Ты подаришь мне то, что я хочу?

— Еще виски, Бижу? В твоём возрасте вредно.

— Ерунда. Я могу жить, только если пью виски.

— Правда? — Сейчас будет про Богарта, подумала она.

— Ты знаешь Хамфри Богарта? Слышала о нём — или ты ещё слишком молодая?

— Слышала, слышала.

— Когда он снимался в «Африканской королеве», с Кэтрин Хепбёрн, в пятьдесят первом году, в Африке, только два человека из всей съёмочной группы — он и ещё один — не заболели дизентерией. Знаешь почему?

— Почему?

— Потому что они не пили воду, как все. Они пили виски.

Оснат вздохнула про себя. Он все время говорит одно и то же. Одними и теми же словами. Но она улыбнулась ему и переспросила:

— Что ж, если у тебя и правда день рождения, то тебе предлагается подарок. Чего ты хочешь?

Он с удовольствием потер руки и, прищурившись, посмотрел на нее:

— А то ты не знаешь.

Оснат изобразила крайнюю степень изумления:

– Ты же знаешь, что об этом не может быть и речи!

– Да ладно, Оснатик, порадууй старичка.

– Это идет вразрез со всеми моими убеждениями.

– Но ты же обещала... – прошептал он. – Помнишь? Два месяца назад? Ты обещала...

Оснат посмотрела на него долгим взглядом и позволила себе улыбнуться:

– Народ! Можно просьбу? Пожалуйста, все послушайте меня!

Она подняла руки, и воцарилась полная тишина.

– Это Бижу, наш постоянный клиент. Он милаха – и сегодня у него день рождения. Поэтому, во-первых, аплодисменты!

Посетители паба захлопали, а Бижу встал и слегка поклонился.

– Бижу выбрал себе подарок – возможность выбрать песню. А вы же все знаете, как я слежу за музыкой, которая у нас играет...

– Ты просто диктатор! – закричал Нати из кухни.

– И не зря. – Оснат сделала вид, что не слышит его. – Не всякое дерьмо нужно слушать. Но поскольку сегодня у Бижу день рождения, он может решить, какую песню мы сейчас будем слушать. Но только один раз! Давай, мужик.

– «Макарену», – сказал Бижу с довольным видом.

– Что?! – воскликнула Оснат. – Да ну... Это уже слишком!

– Ты сказала, я могу выбрать, что хочу! – сказал Бижу и обратился к тем, кто сидел в пабе: – Хотите «Макарену»?

Посетители радостно загудели в ответ. Он обернулся к Оснат, пьяный и от виски, и от победы, которую только что одержал:

– Давай!

Оснат недоверчиво покачала головой и направилась к компьютерному столику.

– Ты убьешь меня. Просто убьешь. Я даже не уверена, что у нас это есть.

– Есть-есть, точно есть, – сказал Бижу и поднял руки, услышав первые звуки песни. – Опа!

Нати подошел к окошку, встал позади Оснат и сказал:

– Не верю своим ушам.

– А твои уши ничего не слышат, – ответила ему Оснат, не оборачиваясь. – Это тебе только кажется.

– Я был уверен, что ты скорее спрыгнешь со скалы, чем дашь кому-нибудь выбрать песню, – сказал он.

– Это называется бейсджампинг², дурак, – отрезала она нетерпеливо. – И в следующий раз ты пойдешь со мной.

– Прости, я не участвую во всех безумствах, которые ты устраиваешь.

² *Бейсджампинг* – наиболее опасный вид парашютного спорта: спортсмен не выпрыгивает из самолета, а спрыгивает с неподвижного объекта. Расстояние до земли, которое ему предстоит пролететь, меньше, чем при прыжке с самолета. Кроме того, существует риск разбиться при столкновении с объектом, откуда спортсмен спрыгнул.

– Это не безумство. Это называется жить. Попробуй как-нибудь, – подвела она итог, развернувшись к нему и показала язык.

Бижу был один из самых безвредных (хотя и странноватых) клиентов, с которыми Оснат пришлось иметь дело за годы работы в «Неустойке».

Со временем она научилась делить посетителей на категории, которых становилось все больше – пока она не перестала их фиксировать. В большинстве случаев достаточно было пары фраз или короткого наблюдения, чтобы понять, кто перед ней.

Например, были молодые люди, которые приходили шумными компаниями и рассказывали те же шутки, что и в прошлый раз. Это безосновательная групповая солидарность, которая подпитывается сама от себя: помните, как мы в прошлый раз тут сидели? помните, что мы делали в поездке? Все их общение было построено на общности, которая, может, действительно когда-нибудь существовала. На ее основе они продолжали дружить – по инерции и из страха перед внешним миром, уверенные, что алкоголь не только убережет их от всех напастей, но и не даст даже задуматься о смерти, о сердечных драмах, неудачах, бессмысленности бытия, превратит все эти размышления в неясное воспоминание, не больше горошины, которое затолкали куда-то в подсознание.

Близко к ним на этой шкале были посетители, которых

заставляла прийти сюда ностальгия непонятного происхождения. Когда-то они сидели в барах у стойки или на рассохшейся скамейке где-нибудь в парке, и им казалось, что жизнь должна выглядеть именно так, а теперь они пытались вернуть этот момент, вместо того чтобы двигаться дальше и испытывать что-нибудь новое. Они сидели у стойки, пробовали воссоздать реальность по нечеткой копии, которая была у них в душе, и после этого уходили, разочарованные, сбитые с толку, уверенные, что им не хватило совсем чуть-чуть – а в следующий раз уж точно получится.

И они были одиноки, эти лузеры, которые все еще не поняли, что они лузеры, или поняли, но думали, что они легко смогут все исправить, без посторонней помощи. Сидят поодиночке у стойки, пытаются играть героев, которых видели где-то в фильмах. Или группой – вокруг какого-нибудь человека, который пожалел их и пригласил к своему столику, но не учел, что они будут сидеть оцепеневшие, как зайцы при виде приближающихся автомобильных фар, и общаться с ними – все равно что разговаривать на языке племени, к которому не принадлежишь. Это люди, рядом с которыми не захочешь сесть в автобусе – и не потому, что они плохие, а просто потому, что их присутствие вызывает какое-то неуловимое неприятное ощущение, которое происходит от неосознанного понимания разницы между вами, и она станет слишком очевидной, если вы сядете рядом. Эти люди толком и не живут. Они подробно излагают свое мнение тем,

кто совершил ошибку и изъявил готовность выслушать их из вежливости. Они всегда обдумывают какой-нибудь секретный революционный проект, который не осуществится никогда. Они в отчаянии прислоняются ухом к стене, чтобы услышать, как соседи занимаются сексом, – когда те всего лишь запускают стиральную машину. И она скрипит. В определенном ритме. Ах, какая иллюзия.

Постепенно Оснат научилась распознавать клиентов разных типов.

Нервные от отчаяния. Беззаботные, которые даже не носят часов. Слегка пьяные. Самовлюбленные. Пытающиеся выглядеть скромными. Все они сидели у стойки.

Но была и другая группа, отчетливо выделяющаяся, о которой ее предупредили в подробностях, когда она только начала работать в «Неустойке».

Они могли выглядеть как угодно, быть любого телосложения, носить любую одежду и прическу. Но их выдавал взгляд: он был голодным. Это люди, которые в жизни видели всего ничего, но хотели куда больше.

Они приходили – и просили рюмку виски «Рекведо», или бокал вина «Эмбирия», или бутылку колы «Моушн». Оснат хорошо знала ассортимент напитков в пабе, но никогда не слышала о таком вине, о таком виски и уж точно – о такой коле. Поиск в Интернете тоже ничего не дал.

Мадам Вентор ее предупреждала: если кто-нибудь придет

и закажет напиток, которого у них нет, пусть Оснат позвонит ей – ведь она живет прямо над баром, – и она спустится и лично поговорит с посетителем. И хотя по большей части мадам Вентор отсутствовала, но почему-то всякий раз, когда приходили такие клиенты, она оказывалась дома, отвечала на звонок, спускалась – и клиенты были просто счастливы, когда она приглашала их к себе в квартиру, чтобы подать заказ «вдали от всей этой суеты».

Когда стихли последние звуки «Макарены» и Бижу перестал плясать, дверь открылась. В паб вошел высокий мужчина с пронизательными зелеными глазами, с короткими черными волосами, одетый в голубую рубашку поло, которая красиво облегла его тело, – он был отлично сложен, как супергерой из комиксов.

Очень, очень мило. Это самая приятная часть работы.

Он сел у стойки, и Оснат подошла к нему.

– Готовы заказать? – улыбнулась она.

– Мартини, – сказал он тихо, смотря ей прямо в глаза.

– О, мартини, – ответила Оснат. – Это у нас заказывают нечасто... Смешать или взболтать, мистер Бонд?

– Не важно, – ответил он. – Главное, чтобы в правильном бокале.

Она поставила перед ним бокал, аккуратно налила мартини и спросила:

– Оливку?

– Нет, – ответил он и улыбнулся. Какая улыбка! – Только

мартини. А что, вы кладете себе в мартини оливку?

– Нет, не кладу, – она равнодушно пожала плечами, – ни во что.

– Ладно, – ответил он. – Но вы ведь выпьете со мной, да? Я не собираюсь пить один. Нужна компания.

– О'кей, но мартини не для меня, – сказала Оснат. – Я, с вашего позволения, выпью чего-нибудь поинтересней.

Она взяла рюмку и умело налила «Ван Гог дабл эспрессо».

– Подойдет что угодно, лишь бы с алкоголем.

– Рада, что вы согласны, – сказала она.

Он кивнул, показывая на дальний угол:

– Скажите, что это за странный человек сидит там?

Оснат обернулась:

– А, этот? Это Шуки. Поэт. Обычно он сюда является один, ничего не пьет, сидит в углу и думает. Но если приходит с друзьями – берегись. Пьет литрами.

Она снова повернулась к собеседнику. Он уже поднял бокал мартини и слегка улыбнулся.

Она взяла свою рюмку, дотронулась ею до его бокала – и залпом осушила. Снова взглянула на него – он улыбался.

Они смотрели друг на друга несколько секунд. В ней возникло какое-то странное ощущение – теплое, сладкое, переполняющее. Она улыбнулась, не в силах сдержаться.

– А как насчет поцелуя? – спросил он. – Весь день я думаю только о поцелуе, который получу от тебя вечером. Ну-ка, иди сюда.

Она нагнулась над стойкой – и их губы слились в долгом поцелуе.

– Так как прошел день? – спросила она.

– Он еще не закончился, – ответил Стефан. – Сейчас я вернусь в офис и буду сидеть над проектом допоздна. Я просто хотел зайти и попрощаться, перед тем как уйти.

Она взяла его за щеки и сжала их, его губы вытянулись вперед, как у рыбы.

– Ах, какой ты милый. Или это мартини заставил тебя прийти?

– Давай считать, что фифти-фифти.

Она отодвинулась и скорчила ему гримасу:

– Ладно, теперь можешь идти. Со мной ты повстречался. У меня полно работы, сегодня тут битком. Давай, кыш отсюда.

Он спешно допил мартини.

– Заметано, – сказал он. – Можешь дать ключи от квартиры? Я хочу подняться на секунду и взять сумку, которую оставил у тебя.

Она вытащила связку ключей из заднего кармана и бросила ему. Он поймал.

– Пять минут, – предупредила она. – Мадам Вентор не нравится, когда я даю ключи посторонним.

– Посторонним... ну уж, – обиженно фыркнул он.

– Давай побыстрее, – сказала она.

– Ладно.

– И поцелуй меня еще раз, идиот, – добавила Оснат.

Стефан быстро поцеловал ее, и она почувствовала его легкую улыбку. Он оторвался от ее губ, шепнул: «Сейчас вернусь» – и вышел, украдкой взглянув на нее.

Только теперь Оснат заметила, что и Бижу, и парень в шортах и футболке смотрят на нее как-то странно. Пусть смотрят, какое ей дело?

– Эй! – услышала она голос Нати из-за спины. – С каких это пор у тебя есть хахаль?

– А с каких пор это тебя интересует? – спросила она. – И вообще, тебе там что, заняться нечем?

– Просто это что-то новенькое.

Она увидела, как у него от смущения брови поползли вверх.

– Ой, ну оставь меня в покое. – Она махнула рукой.

Ах, Стефан, Стефан. Вот уж приятный сюрприз.

А действительно, сколько уже они вместе? Несколько недель? Месяцев? Время недавно стало растяжимым, и на уме у тебя только его глаза, улыбка, запах...

Кто бы мог подумать. Сама идея отношений ей претила, она не верила в любовь и из принципа не отвечала на ухаживания: ей казалось, что это пустая трата времени. Нати пытался сосватать ей по меньшей мере пятерых – а она все время отказывалась.

Не то чтобы у нее никогда не было мужчин, но она была

слишком трезво мыслящей, играла с ними, говорила, что это только способ провести время и разогнать скуку – и все. Отношения для нее – это приключение, а не тюрьма. На каждого молодого человека, который появлялся в ее жизни, она заранее смотрела как на «будущего бывшего». И все было хорошо. Она не ждала ничего большего, никого не обманывала – а они не обманывали ее.

Так как же в ее жизни появился этот Стефан? Когда вообще он проник ей в голову и в сердце? Ей, Жанне д'Арк, которая борется с китчем и дурацкой романтикой?

Она оперлась на стойку и почувствовала, что ноги слегка дрожат. Так было в тот раз, после свободного падения, когда ей пришлось раскрывать резервный парашют.

Невозможно поверить, что трехминутная встреча и два быстрых поцелуя могли так впечатлить ее. Она, конечно, еще и покраснела...

Но почему-то ей все равно. Она стоит за стойкой, музыка становится еле слышной, а голоса клиентов и вовсе стихают. Все, что она хочет, – это вспоминать об этих прекрасных мгновениях, проведенных вместе. Таких мгновений было бесчисленное множество. А правда, сколько они уже встречаются?

Когда в ее жизнь вошел этот ироничный и теплый человек? Он пренебрегает всеми условностями – и при этом сохраняет полное самообладание, он, как супермен, точно знает, как заставить ее взлететь до облаков, и в то же время мо-

жет растопить ее сердце своей почти собачьей кротостью и лаской; этот циник, весь в волчьей шкуре, а под ней – овечка, которая только и ждет, чтобы ее погладили, – когда он вошел в ее жизнь?

Ах, Стефан. Откуда ты вообще взялся?

Недавно они съездили в Париж, это был сюрприз. Утром он велел ей собраться, в полдень они приехали в аэропорт, а ночью были уже в маленькой гостинице с видом на Эйфелеву башню. Три волшебных дня – неспешные прогулки по улицам и долгие разговоры на берегу Сены. А еще как-то раз они оба сказали на работе, что заболели, взяли маленькое пикейное одеяло и несколько пакетов – с булками, сыром и фруктами – и поехали к тому дереву на одиноком холме, провели там целый день, до заката: ели, дремали и смотрели вверх, на качающиеся ветки.

Со многих точек зрения, их отношения казались ей хорошо сделанной подборкой поблескивающих счастливых мгновений.

– Эй! – услышала она от двери.

Там стоял Стефан. Он держал связку ключей пальцами, как держат дорогое кольцо.

– Поймаешь? – закричал он.

Она беззвучно кивнула, и он бросил ей связку, над головой Бижу. Она поймала – и махнула ему, улыбаясь.

Стефан послал ей воздушный поцелуй.

– Увидимся, – сказал он и исчез. Дверь за ним закрылась.

– Вегетарианский мини-гамбургер, – доложил Нати и поставил тарелку на полку.

– Кто заказывал вегетарианский гамбургер? – спросила Оснат у зала.

– Я. – Седеющий мужчина встал со стула и подошел к ней. Она подала ему тарелку, скривив губы.

– Соболезную, – сказала она, и он улыбнулся.

Бен вышел из автобуса и понял, что сделал это на две остановки раньше, чем надо.

Он горько улыбнулся сам себе. Его охватила усталость – такая, которая начинается в плечах и медленно стекает вниз по всему телу, до отяжелевших ног. В последнее время даже небольшая собственная невнимательность казалась ему провалом, и лишь изредка ему удавалось посмотреть на ситуацию со стороны и найти в ней что-нибудь смешное.

Он покачал головой, поднял битком набитую сумку и пошел, согнувшись под ее тяжестью.

Улицы уже захватила ночь, и Бен торопливо шагал по тротуару.

Дорога перед ним была полна мелких препятствий. Стулья кафе, стойки у газетных киосков, колонны зданий, очкастые девушки на велосипедах – все оказывалось у него на пути и рядом с ним и заставляло его идти по сложной траектории, похожей на ломаную линию, нарисованную неврастеником.

Он быстро проходил мимо закусочных, где продавали фалафель, пытался не обращать внимания на телеэкраны, по которым показывали футбол. Смотрел себе под ноги, шел быстро – но не слишком большими шагами, чтобы не при-

влекать к себе внимания.

Без толку. Он чувствовал, что на него все смотрят — кто откровенно, кто украдкой. Посетители кафе, прохожие, усталые студенты, пассажиры только что подъехавшего автобуса — прислонившие голову к окну, устремившие застывший взгляд в никуда, — все они, разумеется, смотрели на него, причем смотрели с осуждением, со скепсисом, замечали его нервную походку, ускользающий взгляд и опущенные плечи.

Он знает — разумеется, он знает, — что никто на самом деле на него не смотрит. Он проходит через их сознание, как нож через теплое масло, и выходит с другой стороны незамеченным, это ясно. И все же в животе у него что-то переворачивается, как будто он выступает на большой сцене.

Этот диссонанс — с одной стороны, ощущение, что все придирчиво оглядывают его, а с другой стороны, четкое осознание, что никто на него даже не смотрит и он как человек-невидимка, — приводил к тому, что он сам все время подмечал за собой смущение, неловкость, неуклюжие движения и слова. Он мучился, когда смотрел на что-нибудь, на что не должен был смотреть, а потом задним числом думал: вот тут я зря улыбнулся, сунул руки в карманы, пожал плечами, а тут никак нельзя было говорить ничего утешительного, или забавного, или интересного. Каждый собственный шаг или жест казались ему судьбоносными: на них вырастет целая башня впечатлений о нем.

Но в конце концов после этих раздумий он всегда осознавал, что только его самого заботит, как он выглядит, только он сам анализирует свое поведение, раздумывает, что он имел в виду. Для всех остальных он был просто частью декораций.

Он был фоном для жизни других людей, которые живут в полную силу и полноценно общаются с окружающим миром.

Два противоположных ощущения, снедавших его, сами собой соединились. Он должен быть идеальной декорацией. Проходить мимо так быстро и так тихо, чтобы никто его не заметил. От мысли, что кто-то из прохожих с блуждающим взглядом мог посмеяться над ним, даже мельком взглянув на него, его грудь мучительно сжималась.

Если бы он чувствовал себя удобнее на месте того человека, которым себя воображает, все было бы иначе. Почему его никто не обнимает? Каждое объятие, ему казалось, делает кожу в месте прикосновения немного толще, и лишь после того, как нас обняли достаточное количество раз, нам становится удобно с самими собой, в своей коже.

Справа он заметил освещенную витрину книжного магазина.

Он заглянул туда и увидел, что, несмотря на поздний час, между полками и столами все еще слонялись отдельные покупатели, а какая-то усталая женщина все еще стояла за кассой.

Может быть, имеет смысл использовать эту возможность и поискать книгу, которую ему хотелось, – о пчелах. Он толкнул дверь, вошел и начал рассматривать книги на полках.

Ему нужна была книга о связи между танцами пчел и квантовой физикой. Неужели это так трудно будет найти?

Год назад, так же случайно, на улице, он встретил Шауля.

Шауль, в легком темном костюме и элегантных темных очках, стоял и ждал такси. Бен возвращался с работы домой и специально прошагал мимо Шауля, чтобы тот его заметил. Но Шауль был занят своими мыслями, а может быть, просто смотрел на дорогу, и Бену пришлось срочно решить, как быть дальше: вернуться на несколько шагов назад, сделав вид, будто он узнал Шауля не сразу, или плюнуть и пройти дальше. На это у него было полсекунды, и в конце концов решение приняли его ноги.

– Шауль? – спросил он, как будто бы не узнал его несколько секунд назад.

Шауль развернулся к нему, снял очки и посмотрел на него долгим взглядом. Бен уже собирался бросить эту затею, сказать «извините, обознался» и пойти своей дорогой, но тут в карих глазах промелькнула искорка, и человек в костюме воскликнул:

– Бен? Бен Шварцберг?

– Шварцман, – поправил Бен.

– Точно, точно, – сказал Шауль и провел рукой по лицу. –

Сколько лет, сколько зим! Как дела?

– Хорошо, хорошо! – ответил он машинально и пожал Шаулю руку. – Ну, как обычно: работаю, все такое. А ты как?

– Хорошо, слава богу. Что ты тут делаешь? Ты работаешь где-то тут?

– Работаю. Библиотекарем в Центральной библиотеке, – сказал Бен. Ему, как обычно, было интересно, достаточно ли почтенно это звучит.

– А что, здесь есть библиотека?

– Да, недалеко отсюда. Два квартала, потом налево и направо. Такое старое здание.

– Ну и как, ты доволен? – спросил Шауль.

Бен пожал плечами:

– Знаешь, я люблю книги, люблю читать, там почти все время тихо... Иногда приходят чудаки, ну или зануды, но что делать – работа.

– Ты ведь хотел стать журналистом или кем-нибудь в этом роде, нет? В старших классах ты, помнится, написал несколько статей в школьную газету, – сказал Шауль, явно с усилием припоминая... Как это он помнит?

– Да, – осторожно ответил Бен. – У меня были такие мысли, но жизнь привела меня немного не туда.

Шауль посмотрел на него, ему явно было занято. У него был такой фирменный взгляд. Бен помнил, как этот взгляд возникал у Шауля, когда на уроке кто-нибудь из одноклассников задавал какой-нибудь дебильный вопрос или когда

учитель давал им какое-нибудь бессмысленное задание. Или когда на переменах кто-то рядом вел разговоры – вроде бы глубокие, но на самом деле совершенно бессодержательные.

Они учились в одном классе четыре года и за это время обменялись разве что десятком фраз. Годы, минувшие с тех пор, оставили свой след на человеке, который когда-то был лучшим спортсменом класса. У него намечался животик, вокруг рта появились две-три морщинки, на запястье – слишком блестящие часы.

– Смешно, – сказал Шауль.

– Что смешного? – спросил Бен.

Из-за поворота на дороге появилось такси. Разговор явно будет коротким.

– Смешно, что мы так встретились. Да еще и сейчас, – сказал Шауль. – Я уже месяц как редактор газеты.

– Правда?

– Да, – подтвердил Шауль. Из кармана он вытащил визитку, оформленную под мрамор, и протянул Бену. – Свежачок. Только что пришли. Ты первый, кому я ее даю.

Бен взглянул на визитку. Шауль стал главным редактором одной из самых популярных местных газет.

– Как так получилось? – спросил он и задумался, не стоило ли сформулировать этот вопрос как-нибудь иначе.

Но Шауль засмеялся:

– Действительно, как так получилось? Хороший вопрос.

Тут подъехало такси.

– Я начал писать о спорте, чтобы подработать, потом – о культуре, потом у меня появилась своя колонка, я стал вести рубрику, сначала – только когда кого-то увольняли, а кто-то уходил в декрет, а потом на постоянной основе. И вот сейчас я главный редактор. Вдруг! Внезапно!

– Поздравляю, – сказал Бен, заранее зная, что весь вечер будет мучиться завистью. – Удачи!

– Спасибо, – улыбнулся Шауль и извинился: – Я спешу, важное заседание... Я не то чтобы всегда хожу в этом костюме...

– Да ладно, – простил Бен.

Шауль пожал ему руку и быстро сел в такси. Помахал Бену, тот взмахнул рукой в ответ. Такси тронулось.

Вдруг, проехав несколько метров, машина остановилась. Открылась дверь – и из нее высунулась голова Шауля:

– Бен?

Он обернулся:

– Да-да?

– Ты все еще хочешь быть журналистом?

– Мм, да, да...

– У тебя есть портфолио? Статьи, которые ты когда-нибудь писал? Которые можно посмотреть?

– Нет, ничего такого нет... Но могу что-нибудь придумать...

– Отлично. Тогда составь портфолио, позвони моей секретарше и назначь встречу. Посмотрим, может быть, сдела-

ем из этого что-нибудь такое, чтобы всех удивить, — сказал Шауль. — Я помню, как ты пишешь, еще со школьной скамьи. Пишешь очень даже неплохо.

— А... договорились... — сказал Бен, покивал головой, пожал плечами, развел руками и тверже уперся пятками в асфальт, не желая выдавать свое волнение.

— На связи! — прокричал Шауль.

Такси тронулось, а библиотекарь застыл в изумлении.

После бессонной ночи Бену стало очевидно, что это возможность, которую надо хватать за рога. Или за хвост. Предположим, можно так сказать. В любом случае — не расслабляться, что бы ни происходило.

Теперь, спустя годы, которые он плыл по течению, как полиэтиленовый пакетик по тихой реке, пришло его время.

Естественно, у него не было никакого портфолио. Откуда бы ему, собственно, взяться? Но у него были идеи, на какие темы статьи совершенно необходимо написать. Ведь этого еще никто не сделал — или сделал, но совсем не так, как надо, бездумно, упустив самое главное.

На следующий день он пошел покупать вещи, необходимые, по его мнению, каждому уважающему себя журналисту, забыв о том, что пока он все еще библиотекарь, работающий на три четверти ставки. Он купил маленький блокнот и пять блоков для записей разных цветов, цифровой диктофон, ручки, фломастеры и желтые клейкие листочки разных

размеров, маленькую доску – на ней можно будет записывать основные идеи – и маркеры четырех цветов. Купил новые чернила для принтера, кофе, чтобы работать ночами, и сигареты – хотя он не курил. Сигареты были четырех сортов: он попробует все и потом решит, что лучше всего подойдет журналисту – человеку, который обращается с печатных страниц к широким массам.

Бен решил написать одну большую исчерпывающую статью, которая изумит Шауля до глубины души и на фоне блестящих слов вознесет новоиспеченного журналиста на один из ключевых постов в редакции. Что-нибудь фантастического качества, публицистского уровня. Сначала он придумал провести глубокое исследование вопроса: как общественный нарратив изменился за последние пятьдесят лет. Потом он решил, что это будет статья о том, как урбанизированное общество отражает свое прошлое в произведениях искусства и теориях и об основных различиях между разными тенденциями. Наконец тема была найдена: он напишет статью об отношении к истории в городской литературе после девяностых годов годов, потом замысел принял форму статьи о пренебрежении прошлым, потом – статьи о важности памяти, и наконец – подборки интервью с обитателями районного дома престарелых.

Наверное, нужно было сообразить, что интервью со старичками, уже страдающими старческим слабоумием, – что-то не особо интересное и едва ли оно поможет ему снискать

почет и получить место в газете. Но тогда это показалось ему хорошей идеей.

Он прошелся вдоль полок в книжном магазине и снова просмотрел заголовки, которые видел уже сотни раз. Вдруг на этот раз его взгляд привлечет какая-нибудь новая книжка? На расстоянии нескольких метров от него стояла и что-то читала девушка с длинными волосами и зелеными глазами, одетая в длинное, почти до пола, белое платье. Изящная, женственная, красивая. Не то чтобы красота была так уж важна. Куда важнее – искры красоты. Красиво ниспадающий локон, озорной взгляд искоса, краешек шеи возле воротника, изгиб запястья, похожий на улыбку. Искорки.

Он мог подойти и сказать несколько слов. Мог положить свою тяжеленную сумку где-нибудь сбоку, встать рядом с ней и сделать вид, что ищет книгу, – и вдруг «заметить» книгу, которую она читает, и сказать что-нибудь типа: «„Мир дисков“? Ну и как? Я уже давно ищу какую-нибудь книгу из этой серии». Или просто взять книжку с полки, наклониться к девушке и сказать с озорной улыбкой: «О-о-о-о, мне кажется, это может понравиться вам не меньше».

Вообще, есть еще тысяча и один способ подойти к ней, проникнуть в круг ее мыслей и дать ей понять: привет, мы похожи, принадлежим к одной и той же гильдии, поэтому мы оказались тут вместе, поэтому судьба привела нас к одной и той же полке. Мы одной крови, и нам стоит познакомиться-

ся. То изящество, с которым вы держите книгу, будет неплохо сочетаться с моей деликатностью, которая заставила меня тихо подойти к вам, ваш аристократизм – с моим.

Но он не сделает этого, естественно. Какое безумие. Он так и будет здесь стоять, в нескольких метрах от нее, скривив губы, держа свою сумку, пялясь на книги – и не видя ничего, время от времени сглатывая слюну. А может, она возьмет и подойдет к нему, поднимет на него глаза – и вдруг скажет ему что-нибудь? Ведь может такое быть?

Он не из тех, кто прыгает в море и надеется, что оно расступится. Он даже не из тех, кто уверен, что стоит входить в море, когда оно уже расступилось и все прошли по нему, аки посуху. Ну, то есть как: расступившееся море – это, конечно, классно, но, может, постараться просто не бесить египтян?

Он никак не мог простить себе тот день, когда все ученики из его параллели договорились сбежать с уроков. На второй перемене смыться из школы, перелезть через забор – сто двадцать мальчиков и девочек – и отправиться небольшими группками гулять, сходить на море, в кино или посидеть у кого-нибудь, у кого родителей нет дома.

Все пошли. Все. Кроме него.

Он спрятался в туалете. Зашел туда в начале перемены, выбрался в конце и как будто бы случайно пропустил массовый исход. Сидел на крышке унитаза, подложив под себя руки, и пытался убедить себя, что не чувствует, как на душе

кошки скребут. Все в окружающем мире сбивало его с толку. Все вокруг как будто говорило ему: «Будь собой! Умей настоять на своем!» Но действительность, клубившаяся вокруг него, была устроена куда сложнее, а в груди у него пылало стремление принадлежать хоть к какой-нибудь группе, хоть к какому-нибудь месту – лишь бы не сидеть тут одному в ожидании. Он видел, как окружающие метались между возможностью не быть собой, чтобы все их любили, и возможностью быть собой, рискуя при этом стать отверженными. А он всего лишь старался быть нормальным. Хорошим мальчиком. Это обычно стоит того...

Быть самим собой, без компромиссов, представлялось ему сомнительным достижением, цена которого чересчур высока. Эта цена – одиночество. Он наклонился к рюкзаку, который лежал на полу сортира, и вытащил учебник астрономии. Раскрыл его и углубился в цифры, стремясь заглушить противоположные желания, раздиравшие его изнутри. Расстояние между земным шаром и Солнцем – сто сорок девять миллионов километров, а между Солнцем и Венерой – всего сто восемь миллионов километров. Это простая информация, это можно измерить, это легко понять.

Он сидел один в классе, когда пришла учительница, остановилась в нескольких шагах от двери, огляделась и спросила:

– А где все?

– Я не знаю, – соврал Бен. В принципе, с технической точ-

ки зрения он и правда не знал, где сейчас находится каждый из них.

Учительница процедила сквозь зубы нечто неразборчивое, развернулась и вышла. А он остался в классе. Она даже не взглянула на него, просто в ярости удалилась. Он почувствовал себя так, будто положил голову на плаху, он подверг опасности свой и без того шаткий статус, только чтобы поступить «правильно», – но и этот поступок никто не заметил и не оценил. Даже учительница проигнорировала тот факт, что он, собственно, дрожа, сидит перед ней.

Проклятые годы в старших классах.

Когда одноклассники жаловались, что учитель математики не может подготовить их к выпускному экзамену, он по собственному почину стал после уроков учить желающих остроумным способам решения задач. Поначалу к нему приходили трое, потом – десятеро, в конце концов после уроков стал оставаться почти весь класс, чтобы поучиться хитростям и легким путям в решении задач.

Он часами стоял у доски и объяснял. Ему казалось, что он понял принцип, что ему наконец пригодились и способность учиться, и любопытство, и необходимость все понять, разложить по полочкам и проанализировать – все то, что должно было обречь его на одиночество в школе, – и это обеспечило ему новый статус, одноклассники стали его уважать и ценить. Мечты-мечты... После его уроков они просто выходили-

ли из класса, не сказав ему ни слова, и продолжали общаться между собой.

Он был аутсайдером, который был полезен. Аутсайдером для временного, но эффективного использования. Он настолько закрылся в своей раковине, что они знали: любая такая эксплуатация заставит его испытывать благодарность *к ним*, – так щенок готов бежать ко всякому, кто улыбнется ему и подзовет его к себе. А когда в нем не было практической необходимости – они снова отдалялись от него. Без скандалов и издевательств, тихо. Для них он оставался все тем же одиночкой, считающим правым только себя. И не было причин включать его в свой круг.

Он рассчитывал на простую благодарность, но даже ее он не получил, после того как Дани Сыркин сумел где-то раздобыть экземпляр экзаменационных заданий. Это было двойным унижением: во-первых, оказалось, что все эти часы он простоял у доски зря, а во-вторых, когда он робко заметил Дани, что списывать на экзамене нет смысла, ведь он уже всему их научил, – этот блондин, довольный собой, схватил его за глотку перед всей параллелью и стал ему угрожать, чтобы он, мелкая дрянь, не смел стучать.

Шауль, разумеется, не принял этой статьи.

Во время их первой встречи, в кабинете Шауля в маленьком заброшенном офисном здании в центре города, они улыбались друг другу и обменивались детскими впечатлениями.

В основном они вспоминали, что делали другие мальчики – общие знакомые: Шауль не помнил, что происходило с Беном, а Бен ничего не мог вспомнить о Шауле. Но разговор шел легко и неожиданно был очень приятен. Бен поймал себя на том, что не понимает, почему он тут находится: только ли потому, что Шаулю жалко его или того, кем он был, – но эту мысль он отогнал от себя. Даже если Шауль пригласил его в качестве компенсации за то, что игнорировал его в школьные годы, это неплохо. Люди получали работу и по худшим причинам.

В конце встречи он оставил Шаулю статью – один экземпляр, напечатанный на хорошей бумаге, и один в электронном виде, на диске. Пять тысяч слов, воспоминания обитателей дома престарелых «Вечная жизнь», с ностальгическими нотками – он был уверен, что этот текст наведет читателя на глубокие размышления. На диск он записал и иллюстрации: фотопортреты рассказчиков, сканы нескольких исторических документов и фотографии поселений, сделанные в годы Второй Алии...³ Редактор пробормотал, что можно было бы послать это по электронной почте, но взял диск, улыбнулся и пообещал просмотреть его в самое ближайшее время.

Через неделю Шауль позвонил ему и сказал, что заметка

³ *Вторая Алия* – вторая волна иммиграции евреев в Палестину (1904–1914), в ходе которой туда приехали примерно 35 000 евреев, преимущественно из Восточной Европы. Они основали немало сельскохозяйственных поселений, в том числе первый израильский кибуц «Дгания».

действительно производит впечатление, но язык не подходит им, они заинтересованы в материалах другого рода, у них было еще несколько кандидатов и так далее. Когда Бен попытался объяснить, что он может подготовить и другой текст – на тему, которую они сами выберут, – Шауль ответил, что решение принимал не только он сам, к сожалению, что другой человек уже принят в штат, что он очень сожалеет, потому что лично он как раз очень хотел работать с Беном. Он одобрил это еще какими-то отмазками и слегка подсластил сочувствием, чтобы сделать решение не таким горьким, – и на том все закончилось.

По крайней мере, на две недели.

Через две недели Шауль снова позвонил ему.

– Я нашел кое-что для тебя, – сказал он. – Не вполне журналистская работа, но идея тебе может понравиться. Заскочи ко мне, когда сможешь.

Работа, которую предложил ему редактор, отличалась от всего, что он знал до сих пор.

– У нас проблема, – сказал Шауль. – У нас есть журналисты, которые отлично умеют рассказывать истории, но им плохо удаются конкретные детали. Все время нам присылают статьи, которые должны быть захватывающими, – но из этого мало что получается, потому что в них, оказывается, полно ошибок. Хуже того, часто статьи выглядят как сухой

отчет, и у нас не получается ничего с этим сделать. Нам нужен человек, который много знает и готов расцветить статьи разными подробностями.

— Не понял, — удивился Бен. — Ты хочешь, чтобы я собирал материал для исследований?

— Нет-нет, — ответил Шауль. — Я хочу, чтобы ты добавлял в статьи детали. Чтобы ты брал обычные статьи и вставлял полфразы тут, пару слов там. Что-нибудь, что придаст им умный вид. Именно это мне нравилось в статьях, которые ты писал в старших классах, и в статье, которую ты мне дал две недели назад. Ты все время упоминаешь вещи, которые на первый взгляд не имеют отношения к делу, но создают у читателя впечатление, что журналист понимает, о чем говорит, что у него хороший кругозор. Неймдроппинг — вот что мне нужно: тут вставишь фамилию какого-нибудь философа, там упомянешь какое-нибудь историческое событие. Статья о моде — с парой предложений об истории корсета. Критика рок-концерта — а в ней вскользь сказано о том, как на Мика Джаггера повлиял Моцарт, — ну и все такое. Сейчас мы провели опрос — и оказалось, что сорок пять процентов читателей считают, что наша газета пишет обо всем слишком поверхностно, по-дилетантски. Мы хотим добавить глубины, навести лоск, чтобы статьи казались умнее.

— То есть чтобы казалось, что у вас хороший кругозор.

— Да, именно так! Но не слишком, естественно, чтобы не оттолкнуть поверхностных дилетантов. Все же большинство

– это они: пятьдесят пять процентов. Скажу тебе откровенно: я рос с наивной идеей, что писать в газете надо для возвышенных целей. Я представлял себе редакцию газеты так: жужжащий улей, все бьются за право донести до публики надежную информацию в наиболее интересной форме. Что-то среднее между «Всей президентской ратью»⁴ и «Дэйли плэнет»⁵. Поэтому – как видишь – здесь все на месте, работают в настоящей редакции, со столами, телефонами, а не отправляют свои тексты из дома, сидя в пижаме, пытаясь не дать кошке разлить кофе на клавиатуру. Думаешь, я не знаю, что можно сократить расходы и сделать так, чтобы все работало дома? Понятно, что можно, но мне нужна здесь атмосфера газеты, общение, которое обогащает людей. Я бьюсь за это с владельцем газеты каждый месяц. Но писать для возвышенных целей уже давно не получается. На каждую статью, которой я горжусь, приходится шестьдесят статей, за которые я должен заплатить, только чтобы продолжать существовать. Пропиарить какое-нибудь учреждение, заполнить объем – чтобы было к чему добавить рекламу. В газете печатается не так много статей, за которыми не стоял бы кто-нибудь со своими интересами. Откровенная статья о каком-нибудь певце, у которого – совершенно случайно – через неде-

⁴ «Вся президентская рать» – фильм 1976 г. о расследовании Уотергейтского скандала, выполненном журналистами газеты «Вашингтон пост».

⁵ «Дэйли плэнет» – вымышленная чрезвычайно влиятельная газета, которая описывается в серии комиксов «Экшен комикс».

лю выходит сингл, колонка аналитики о новом законе, который поддерживают владельцы газеты, – каждый текст появляется в определенном контексте, явно или скрыто. Более того, статьи, которые публикуются в Интернете, мы должны писать так, чтобы их выдавал поисковик, если ищешь определенные слова. Тогда к нам на сайт будут заходить читатели и нажимать на рекламные баннеры. Текст – это всего лишь средство. Это то, что вокруг ключевых слов поиска, то, что заставляет кликнуть на рекламу. Но проблема не в этом. У всех остальных – ровно так же. Проблема в том, что большинство статей скроено по одному и тому же лекалу. Проходит время, и люди замечают: то, что они читают сейчас, напоминает то, что они читали два года назад, потому что все время пережевываются одни и те же факты и лица. Я хочу разнообразить наши статьи. Ты много знаешь – поделись с читателями своими знаниями, добавляй короткие примечания в скобках.

– То есть... то есть я должен буду читать газетные статьи и добавлять псевдоинтеллектуальные примечания в скобках?

Шауль немного подумал и решил ответить честно:

– Да.

С этим точно можно было жить. Ведь надо же с чего-нибудь начинать. В сущности, эта работа придумана будто специально для него. Эклектичная работа, которая требовала эрудиции во многих областях и знания бессмысленных, но

интересных фактов.

В самом деле, было трудно представить кого-нибудь, кто подходил бы для этой работы лучше. Большая часть взрослой жизни Бена состояла из сбора данных и фактов, теорий и научных открытий. Он коллекционировал их. Его память была забита малоизвестными историческими событиями и физическими теориями, антропологическими изысканиями и математическими задачами. В глубине сердца он верил, что когда соберет достаточно фактов, то дойдет до основы основ и поймет все, что стоит за фарсом его жизни, и тогда ему станет ясно, что делать, чтобы все было хорошо. Он укрылся под слоем данных, завернулся в него, как в одеяло, чтобы отгородиться от внешнего мира, такого хаотичного и бескомпромиссного. Поэтому понятно, что эта работа была сшита точно для него, как перчатка – для бледной дамской ручки.

Но самое важное, что это только первая ступенька. Теперь у него будет свой стол, он будет работать в редакции. Пока он пишет только фразы в скобках, но ведь в будущем он сможет получить свой квадратик на одной из полос и заполнять его, чем захочет, а когда кто-нибудь заболеет, его, может быть, попросят написать настоящую статью. Двести слов, больше не нужно.

Он вернулся домой взволнованный. С завтрашнего дня он будет работать в газете. Начинается новый виток жизни. Правда. Это имеют в виду, когда говорят «новый старт». Это

должна быть возможность измениться, стать кем-то другим. Прощай, Бен-невидимка!

Он провел вечер, лихорадочно передвигая мебель, пытаясь придать квартире другой вид, как будто в ней живет теперь другой человек. Эта ночь будет рубежом: старый Бен умер, да здравствует новый Бен! – и поэтому диван теперь будет стоять здесь, а письменный стол перенесем туда; вся посуда, которая была в кухне в одном шкафу, теперь будет в другом, – и наоборот, а книжный шкаф подгоним вон к той стене. Холодильник не получилось передвинуть по-настоящему, Бен только поставил его под другим углом. Очиститель воздуха в туалете он поместил на другую сторону бачка, а картинки на стене перевесил – по какому-то своему хитрому замыслу.

На следующий день он проснулся, готовый двинуться навстречу новому дню, как будто сказав себе: «Я другой».

И он действительно стал другим.

Когда он пришел на работу, выяснилось, что его стол – это стол сотрудника, уволившегося три дня назад. До сих пор на нем лежали записки на клочках бумаги, из-за клавиатуры выглядывала большая синяя чашка с тем, что когда-то было кофе, компьютер был запаролен, а пароля никто не знал. Время от времени звонил телефон, просили Дорона. Когда выяснялось, что Дорона уже не будет, клали трубку.

Но Бен не дал всему этому испортить себе настроение.

Он решил серьезно подойти к своим обязанностям. После того как все технические моменты были улажены, началась настоящая работа.

В предложение «Вторничная игра снова доказала нам, как важно в футболе лидерство. Лидерство, которым сейчас „Бейтар“ не может похвастаться» Бен добавил: «(но не стоит ожидать фигуры, равновеликой Жаботинскому)»⁶. Когда обозреватель культуры писал о концерте, на котором солист некой группы выпил огромное количество пива, – Бен добавил: «(к счастью, дело происходило в Петах-Тикве⁷ в прошлый вторник, а не в Луизиане в 20-е годы XX века⁸)». А когда корреспондент по делам моды объявила о «новом тренде» в области дизайна зонтиков, в особой статье, якобы написанной исключительно в преддверии приближающейся зимы, – на самом деле это была просто реклама конкретной фирмы зонтов, – в предложение «Сейчас зонтики популярны, как никогда прежде, и всякий уважающий себя человек найдет марку, которая поможет ему стать „человеком с зонтом“» Бен добавил всего несколько слов: «(но при этом дер-

⁶ «Бейтар» – израильский футбольный клуб. В своем примечании Бен обыгрывает совпадение названий: точно так же называлось сионистское ревизионистское движение, которое возглавлял *Зеэв* (Владимир Евгеньевич) *Жаботинский*.

⁷ *Петах-Тиква* – город, примыкающий к Тель-Авиву с востока.

⁸ Намек на «сухой закон», действовавший в США в 1920–1933 гг. Луизиана, как один из центров американского пивоварения, сильно пострадала от него.

жаться как можно дальше от семьи Кеннеди)»⁹.

Конечно, были случаи, когда его добавления вычеркивали.

Например, когда он прочитал фразу: «После аварии Беллу доставили в операционную и там влили пять порций крови первой группы» – и дописал: «(которую в Японии считают признаком оптимистов)». Или когда в предложение «Видимо, никто не знает настоящую Мадонну» добавил «(ведь еще в XVII веке Локк говорил о разнице между идеей и языком, так что, видимо, никого нельзя узнать на самом деле)».

Он привел редакторов в смущение, когда к невинной фразе «мы сидим на балконе у мэра, он разрезает апельсин» добавил: «(как будто пытается проиллюстрировать парадокс Банаха – Тарского)»¹⁰.

Но ничего страшного, не всегда можно точно угадать вкус редактора.

Сама по себе работа увлекала его. Целыми днями он изу-

⁹ «Человек с зонтом» – герой одноименной повести Р. Даля. И так же называют человека, возможно причастного к убийству Кеннеди. Он был одним из зрителей проезда президентского кортежа 22 ноября 1963 г. и, вероятно, сообщником Харви Ли Освальда: считается, что при помощи зонта он подавал убийце знаки.

¹⁰ Парадокс Банаха – Тарского – парадокс из теории множеств, который обычно иллюстрируется с помощью разбиения сферы. Утверждается, что любой шар можно «разрезать» на несколько частей, из которых потом «сложить» два точно таких же шара.

чал разные темы вдоль и поперек, искал что-то в Интернете, читал толстые книги ради всего лишь одного короткого дополнения в скобках. Платили за это не бог весть как, но интеллектуальная составляющая искупала все.

Правда, и тут на него никто не обращал внимания.

Иногда кто-нибудь подходил к его столу, задавал ему вопрос о каком-нибудь его примечании. Со временем у него появилось прозвище – его стали звать Скобочником (а это прозвище куда лучше, чем любое другое, подумал он). Но никто никогда не приглашал его пообедать вместе. Ни одна журналистка никогда с ним не флиртовала. А когда после сдачи номера журнала все шли куда-нибудь посидеть и выпить, никто не говорил ему: «Эй, а ты с нами?»

Несколько раз он сам увязывался за ними, но сидел в сторонке, смотрел, как все, разделившись на маленькие группы, чокаются, пьют, смеются, – и наконец понял намек.

Те, кого он встретил на работе, как будто исполняли немой спектакль, не входя в прозрачный круг, который очерчен вокруг его стола. С его места можно было видеть почти весь этаж, всех рассмотреть, за всеми понаблюдать.

Одиноким молодой человек, всегда одетый в рубашку с длинным рукавом, уверен, что все девушки в него влюблены. Если они до сих пор не с ним, то только потому, что жизнь приучила их к компромиссам.

Импульсивная секретарша, такая загорелая, что всякий раз, когда она проходила мимо, он невольно начинал напевать «Лимпопо». Как-то раз она улыбнулась ему. И вместо того чтобы подумать: «Как мило, она улыбнулась мне», он подумал: «Надо будет записаться на чистку зубов».

Еще один сотрудник все время посещал спортзал только для того, чтобы познакомиться с девушкой, которую однажды там увидел, и хотя он так больше и не встретил ее, надежда заставляла его снова и снова приходить на тренировки, пока он не стал сильным и накачанным.

Милый улыбчивый молодой человек – Бен думал, что он прячет двадцатишечелеевые купюры в карманах брюк и дома между подушками кресла, только чтобы подготовить себе приятный сюрприз когда-нибудь в будущем, когда он найдет их, уже забыв об их существовании.

И тихая девушка, пишущая о моде, которая втайне хотела бы стать шоколатье. Она была прелестна и даже аристократична – и при этом в ней была какая-то внутренняя простота. Когда все ржали – попсово, как Бритни Спирс, – она лишь улыбалась, как Одри Хепбёрн.

Он любил ее – тихо, издали.

Как-то раз он увидел ее с друзьями в кафе в торговом центре. Она сидела спиной к нему и маленькими глотками пила капучино из огромной чашки. А он как раз вышел из кино после дневного сеанса – кроме него, там была только па-

рочка старшеклассников, которые беспрестанно целовались с громким чмоканьем. Спускаясь по эскалатору, он увидел ее сверху.

У него было всего несколько секунд, чтобы решить, каким путем пойти: направо, чтобы увидеть ее со спины, или налево, чтобы она смогла его заметить. Вдруг она узнает его, поздоровается, даже пригласит его к ним за столик, будет смеяться его шуткам, пока он сидит рядом и изображает, какие звуки издавала та парочка?

Но, может быть, она и не заметит его или заметит, но решит сделать вид, что не заметила, а может быть, смутится его присутствием и вообще будет чувствовать, что он очень странный, раз днем решил пойти в кино – вместо того чтобы сидеть в кафе, пить капучино и слушать, как она нежно и заразительно смеется, смущенно прикрывая рукой губы.

Когда человек, ехавший за Беном, случайно толкнул его и тихо чертыхнулся про себя, он понял, что слишком долго стоял внизу эскалатора, погруженный в свои мысли, которые шли по кругу, – и он повернул направо.

Иногда он проходил мимо ее стола и хотел остановиться и заговорить. Как дела? Хорошо, честное слово! О чем ты сейчас пишешь? Что ты говоришь! Да, иногда темы повторяются. Шоколатье, говоришь... Как здорово! У меня есть несколько отличных идей для новых конфет. Хочешь, расскажу?

Прошло меньше месяца, и однажды он вернулся к себе и понял, что он все тот же самый Бен, только с переставленной мебелью. Единственная реальная перемена заключалась в том, что сейчас он не чувствовал себя дома, даже когда был дома.

В тот день он работал над материалом о меде.

На рынок вышел новый импортер меда, и газета подготовила обзорную статью о свойствах местного меда, которую дополнили рецепты медовых пирогов и интервью с несколькими производителями меда, рассказавшими о своем производстве – «одном из самых прогрессивных в мире» – и, конечно, упоминавшими названия своих фирм.

Бен хотел надобавлять скобок, в которых речь пойдет о пчелах. Может быть, что-нибудь о таинственном снижении популяции пчел в мире в конце XX века; может быть – подробности о танце пчел, которым они объясняют друг другу, где нашли цветы. Когда-то где-то он читал о пчелином танце: анализ выявил, что пространство у пчел шестимерное, и поэтому можно предположить, что они считают поведение частиц на квантовом уровне, и тому подобные странные вещи. Ему нужна была какая-нибудь серьезная книга по этой теме, которая поможет придумать обоснованное и качественное предложение в скобках.

Он слонялся по магазину между столов, заваленных кни-

гами, и искал заголовок, который привлечет его внимание. Девушка, рядом с которой он стоял до этого, так и не подошла к нему. Ну, все как всегда. Какая-то часть его билась головой об стенку, но другая часть объясняла, что в любом случае, со статистической точки зрения, их связь, видимо, была бы неудачной и поэтому стоило бы подождать, пока она окажет ему знаки внимания – и тогда на нем не будет никакой ответственности за будущую неудачу. Он старался как можно надежнее заглушить этот спор и снова принимался рассматривать книги.

В стопке был предсказуемый ассортимент переводных детективов, научно-популярных книг с цепляющими названиями, тяжелых семейных драм и книг с загадочными обложками и названиями, которые было уже совсем невозможно понять.

На краю одного стола лежала книжка, которая привлекла его внимание. Ее переплет блестел под неоновыми огнями магазина. Она называлась «Руководство к действию на ближайшие дни» – не то чтобы очень многообещающе, но, когда девушка в белом платье легко прошуршала мимо него, он сам не заметил, как украдкой поднял эту книгу и стал рассматривать ее заднюю обложку, чтобы только не встретиться взглядом с девушкой.

Он прочел слова, не сосредоточиваясь, быстро.

И снова их прочел.

Нет. Этого не может быть.

Задняя сторона обложки книги обращалась лично к нему. Она называла его по имени, говорила, что сейчас он стоит и читает ее. Он рассмеялся коротким нервным смешком.

Прочел этот текст в третий раз, медленно поднял глаза и, как будто случайно, выглянул через витрину на улицу.

Остановившийся на другой стороне улицы стоял человек в синей бейсболке и длинном черном плаще смотрел прямо на него.

Бен развернулся спиной к витрине. Что, черт побери, здесь происходит?

– Мы закрываемся, – объявила продавщица. – Пожалуйста, кто хочет расплатиться – пройдите к кассе.

Он почувствовал, как у него запылали уши, прижал книжку к животу и быстро пошел к кассе. Пчелам пока придется подождать.

И вот мы снова встретились. Когда я предложил тебе открывать меня в любой момент, когда захочешь, я имел в виду всякий раз, когда тебе нужна помощь или намек, а не просто когда тебе скучно.

Знаю, знаю. Ты сидишь сложа руки, запертый в этом дурацком подвале, и поэтому решил заглянуть в меня. Но ведь ты делаешь это не потому, что хочешь знать, как быть. Ты же решил, что вернешься домой, как только дверь отопрут. Тебе просто любопытно.

Знаешь что? Ты, поди, хочешь прочитать какую-нибудь историю? Ладно, вот тебе история.

В школе тебе, конечно, рассказывали о Тесее, герое древнегреческого мифа. У греков была хорошая фантазия: они изобрели собственных героев. Их герои – это герои с рождения, для них быть таковым – это судьба, и все тут. Ну ладно, не будем их сейчас за это осуждать.

Итак, убив Минотавра – получеловека-полубыка, который был заперт в лабиринте на острове Крит, – Тесей с триумфом вернулся домой на своем корабле. На пути он еще успел посадить девушку, которая любила его, на каком-то острове, а потом забыл поменять черные паруса на белые. Его отец решил, что сына убил Минотавр, поскольку сын сказал ему,

что, если победит, на обратном пути поднимет белые паруса. Это говорит нам о том, что элементами дизайна нельзя пренебрегать. Отец Тесея от отчаяния бросился в море, потому что его сын не поменял простыни.

В любом случае корабль Тесея – большое и красивое тридцативесельное судно – остался в афинском порту на долгие годы, и афиняне берегли его и ухаживали за ним, любили его и очень уважали – в память о деяниях, в которых ему довелось участвовать.

Однако когда прошло какое-то время, некоторые бревна сгнили, а гвозди заржавели, – все это убрали, а на место старых поставили новые бревна и гвозди. Несколько лет спустя заменили еще часть бревен, потом – мачты, потом – паруса, которые уже почти истлели. В конце концов, спустя годы замен и починок, не осталось уже ничего, что составляло первоначальный корабль. И все равно люди называли его кораблем Тесея.

Греки-философы начали спорить, остался ли этот корабль тем самым кораблем. Если да – то как же так, ведь в нем все уже заменили? А если нет – то когда именно он перестал быть кораблем Тесея? Уже тогда, когда заменили первое бревно? Или сотое бревно? Или когда заменили последнее бревно? Что определяет сущность предмета?

Ты понимаешь, все меняется, не только корабли героев

древнегреческих мифов. Все меняется, только медленно. Вещи, места и люди. Тектонические плиты личности движутся под материками поведения. Факт, что у каждого есть четкое ощущение собственного «Я», заставляет нас чувствовать себя устойчивыми и неизменными и считать, что меняется и реагирует мир вокруг нас, именно он живет по законам причинно-следственной связи. Как человек, который родился на корабле и никогда не сходил с него, мы уверены, что твердо стоим на месте – а все остальное движется и плывет вокруг нас.

Но движется все. И мы в том числе.

Мы как корабль Тесея. Все мы заменяем старые бревна новыми. Люди все время чуть-чуть меняются – от мелких переживаний, от новых идей. Делает ли это нас другими людьми? Как невозможно войти в одну и ту же реку дважды – так же, наверное, невозможно дважды встретить одного и того же человека?

Ты правда думаешь, что сегодня ты тот же человек, кем был вчера, до того, как все это безумие началось? Ведь как минимум одно бревно в тебе заменили.

Именно изменения, которые происходят с нами, помогают нам понять, что же остается. Кто этот «я», которого мы имеем в виду, когда говорим «я». Есть внутренняя точка самоощущения, которая открывается именно тогда, когда мы позволяем себе быть иными, чем те, кем себе кажемся. Когда мы позволяем себе поверить в возможность измениться.

А ведь ты так хочешь стать другим.

Но моя цель не в том, чтобы развлекать тебя историями. Я уже говорил: я должен тебе помочь.

Уже несколько лет ты пытаешься понять, кто же ты, нырнуть глубоко внутрь – и вытащить наружу человека, которым ты хочешь быть.

Дверь совсем скоро откроется, и ты сможешь просто уйти. Придет минута, когда тебе надо будет решить, что делать: все бросить и вернуться домой, к своей прежней жизни, заменив в себе всего пару бревен, – или броситься навстречу переменам.

Ты не просил этого, но все же вот тебе мой совет: не отказывайся от того, что может произойти. Не заканчивай раньше времени свою историю. Хочешь измениться – оставайся.

Через несколько часов после того, как Бен вышел из дома, он снова очутился на том же углу. Сегодня он проходил там уже дважды. Было поздно. Бен не знал, когда в последний раз он бодрствовал в это время суток.

Но все же выйти из дома через окно на третьем этаже глубокой ночью, спуститься по фасаду и убежать дворами, оглядываясь в панике, — такое вытворять ему тоже нечасто доводилось. Так что бодрствование было, видимо, самой маленькой проблемой.

Когда он закончил читать первую главу этой странной недавно купленной книги, у него было всего несколько секунд, чтобы решить, верит ли он в то, что все прочитанные слова действительно обращены именно к нему.

Каждый рациональный атом его тела пытался взбунтоваться против этой мысли. Здесь есть какой-то трюк, очевидно же. Кто-то пытается его разыграть. Но книга точно знала, что он делает на каждом этапе чтения. И слова про того человека, которого он видел в окно, когда выглянул, убедили его, что хотя бы в этот раз сто́ит прислушаться к внутреннему голосу. Внутренний голос говорил ему, что странные слова могут сбываться. Более того, иногда на них имеет смысл полагаться.

Когда он высунулся из окна, он понял, насколько хрупка

его рациональность.

Он должен понять, что здесь происходит. Понятно, что есть более логичное объяснение. Наверное, можно придумать что-нибудь лучше, чем просто поверить, что эта книга написана специально для того, чтобы давать ему советы, как сбегать от таинственных личностей, которые ищут бутылки виски. Но все это он сделает уже тогда, когда доберется до цели. И когда окажется подальше отсюда – так безопаснее.

Он слонялся по пустеющим улицам и думал, что же делать. В рюкзаке, который он взял с собой, болтались бутылка виски и книга. Непонятно, какая из этих двух вещей была более загадочной. Что такого есть в этой бутылке, что заставляет людей следить за ним и взламывать дверь в его квартиру глухой ночью? Надо набраться смелости, открыть эту книгу и начать ее читать.

Наконец он просто сел на тротуар, сбросил рюкзак и быстрым движением расстегнул молнию.

Он задумался, что вынуть в первую очередь. Книга сейчас казалась ему страшнее бутылки, он не хотел открывать ее без серьезной на то причины.

Он повертел в руках бутылку, рассмотрел ее.

Бутылка на первый взгляд была совершенно обыкновенная, со стандартными наклейками: название, выдержка и прочие прозаические данные. Никаких дизайнерских изысков, ничего особенного, кроме кружка в верхней части, ко-

торый изображал печать. При более пристальном рассмотрении оказалось, что бутылка не запечатана. То есть она была закрыта, но крышку очевидно когда-то раньше уже отвинчивали. Кто-то уже открывал эту бутылку – но, насколько Бен мог увидеть, не пил из нее.

Бен вытащил пробку и понюхал виски. Запах был сильным, с четкой спиртовой составляющей и с тонким ароматом, который напомнил ему запах неостывшей золы в костре, как жгут на Лаг-ба-Омер¹¹, – такой слышится, когда костер вот-вот потухнет. По тротуару на другой стороне улицы прошла парочка, и какая-то часть мозга предупредила его: человек, который ночью сидит на тротуаре и нюхает бутылку виски, выглядит довольно подозрительно. Он быстро закрыл пробку и посмотрел на маленькую белую наклейку на горлышке бутылки.

«Обогащено в пабе „Неустойка“», – было написано на ней маленькими буквами. Рядом с буквами проступали бледные следы печати. Тонкие черные линии заходили и за пределы наклейки и запачкали горлышко бутылки, как будто кто-то хотел доказать, что печать поставили после того, как прилепили наклейку.

Он убрал бутылку обратно в рюкзак и задумался, не достать ли книгу. В конце концов решил не доставать. Он не будет открывать книгу, если это не обязательно. Он попро-

¹¹ На религиозный праздник Лаг-ба-Омер (отмечается весной, примерно через три недели после окончания Песаха) традиционно жгут костры.

бует справиться сам, при помощи логики, ума и смекалки – можно придумать много красивых объяснений, хотя на самом деле им двигало ощущение легкого ужаса от происходящего, – пока не поймет, что за этим стоит. Для начала не мешало бы узнать, где находится этот паб. «Неустойка».

Поначалу он хотел добраться до места, где можно посидеть в Интернете и погуглить этот бар или полистать телефонную книгу, но, к его изумлению, когда он задал простой вопрос прохожему на улице, то тут же получил всю необходимую информацию.

В сущности, кто еще мог ходить по улице в такое время с легкой пьяной улыбкой, как не те, кто знает подобные места? Он остановил первого же попавшегося прохожего, которого встретил и который не выглядел как нищий или извращенец либо и то и другое, и спросил его, знает ли он место под названием «Неустойка». Ему ответили, мол, прямо, на третьем повороте направо, а там спросить, потому что «это там недалеко».

Когда он спросил «там», его провели по еще нескольким улицам и поворотам – и наконец он оказался в тихом, совершенно вымершем переулке. Попытавшись вернуться на более оживленную улицу – ну, по крайней мере, относительно, – он вышел в переулок с односторонним движением и увидел маленькую вывеску: «Неустойка».

В общем, через пятьдесят с чем-то минут поисков Бен

наконец нашел то, что искал. Он толкнул тяжелую входную дверь.

Даже в столь поздний час тут еще были посетители. Одиночки, пары, троицы. Спорили о чем-то, выпивали. Они уже явно достаточно нагрузились, чтобы социальные предписания не мешали им говорить все, что хочется, – но были еще недостаточно пьяны, чтобы утратить нить разговора. Двое мужчин, поджав губы, сидели возле узкой барной стойки. А за ней стояла девушка с короткими волосами и протирала винный бокал круговыми движениями. Она посмотрела на Бена и сказала:

– Кухня уже закрыта.

Он поднял руку – мол, не страшно – и постарался вспомнить, откуда ему знакомо ее лицо. Может, он ее где-то видел. Или любая девушка, которая нравится ему внешне, обманчиво кажется ему знакомой?

Он подошел к бару, немного наклонился к ней, постарался придать себе уверенный вид и сказал:

– Мне нужно поговорить с хозяином заведения.

– Ее сейчас нет, – ответила барменша, продолжая протирать уже сухой стакан. – Может, я могу ей что-нибудь передать?

– А когда она должна прийти?

– Не знаю. Может прийти в любой момент, а может – только завтра утром. Она приходит и уходит когда угодно, передо мной не отчитывается.

– Я... я думаю, что подожду ее.

– Хорошо, – сказала барменша. – Но если она не вернется до того, как последний клиент уйдет, боюсь, что мне придется запереть бар. Я не смогу оставить вас здесь до утра.

– Если она не придет до того, как все уйдут, я тоже уйду и вернусь завтра.

Она поставила стакан, взяла другой.

– Это так срочно?

– Видимо, да.

– Видимо?

– Да, это срочно. Очень.

Она пожала плечами:

– Садитесь, где хотите. Выпьем чего-нибудь?

– Воды, – ответил он.

Он сел в уголке и попытался устроиться поудобнее.

Играла незнакомая ему песня знаменитых ливерпульцев. Барменша положила на стол перед ним салфетку, а на нее поставила стакан с холодной водой.

– Спасибо, – сказал он, понимая, что как раз сейчас было бы к месту добавить остроумные полпредложения, – но вместо этого просто кивнул. Даже в обычных обстоятельствах он недостаточно быстро соображал, чтобы быть остроумным и галантным. При всем том, что с ним происходит сегодня ночью, требовать от себя галантности и остроумия было бы слишком – и он решил даже не затевать разговора.

Взял стакан, отпил из него несколько больших глотков – чтобы вернуть себе душевное равновесие.

Если бы он был настоящим мужиком, то уже за барной стойкой завязал бы с ней разговор.

Он увидел, как она уходит, и тихо вздохнул. Довольно было пары секунд, чтобы понять: для него она опасна. Что-то ощущалось в легкости ее шагов, в том, как она качала головой в такт музыке. Она была из тех девушек, которые рядом с тобой ведут себя с такой наглой естественностью, что ты думаешь: все будет так легко и просто. И что войти в ее жизнь тоже просто. И только потом ты понимаешь, что это обманчивое легкомыслие – не более чем ловушка, намазанная медом, которая одновременно притягивает тебя и защищает ее.

Знает он таких. Смешливых, клевых, умных девушек, которые возвращают тебе веру в женский пол. Ты только потом понимаешь, что все правила, границы и определения – кто кому подходит, а кто кому нет – никто не отменял.

В жизни Бена было не так уж много романтики. Те любовные чувства, которые он изредка испытывал, были односторонними.

Почти всю молодость он провел в размышлениях о фактах, которые не были научно обоснованы, но казались почти аксиомами. Например: чем недоступнее девушка, тем она красивее, и наоборот; самые потрясающие девушки становятся скучными в тот момент, когда соизволят заговорить

с тобой. Он считал это сперва мужской трагедией, потом – женской трагедией, а в конце концов просто счел это заблуждением.

Он всегда чувствовал, что упустил свою первую любовь – ту девушку, которая была достаточно милой и дружелюбной, чтобы подарить ему ложную надежду, но в то же время достаточно легкомысленной и неуловимой, чтобы соблюдать безопасное расстояние и даже не дать ему возможности потерпеть неудачу в попытках добиться ее взаимности.

Кстати, одна из девушек-дизайнеров в редакции действительно обратила на него внимание. Но не так, как он бы хотел.

Он случайно подслушал разговор, в котором речь зашла о нем. Они шептались, смеялись, в какой-то момент произнесли слово «лузер». Он должен был вмешаться и сказать ей что-нибудь, – это очевидно. Но после этого события ответную речь он продумывал только частями и всегда – вечерами, обычно в душе. Он стоял под струями воды и про себя выговаривал ей, уверенно и красноречиво.

Я лузер? Правда? О'кей. Может быть. Верно. И что теперь? Все лузеры. Все. Всякое существо, которое живет и в конце концов умирает, по определению лузер.

Вот мы живем, реагируем на то, что происходит вокруг, как будто у нас есть выбор, и все время чего-то хотим. Все

время нам что-то нужно. Воздух, еда, объятия, чувство принадлежности, правда, время. Все наше естество – это голод, нужда, нехватка. Бывает ли большее лузерство? Ведь никто не ходит по свету как победитель, никто не приспособливает действительность для себя – и не движется к вечности.

Он произносил эту речь, стоя под горячими струями, с воодушевлением намыливаясь. И даже если у нас бывают моменты, когда мы чуть меньшие лузеры, втолковывал он ей, если есть такие озарения – они случаются тогда, когда мы позволяем себе сделать кому-нибудь подарок. Когда сам факт, что мы отдаем частичку себя, говорит, что мы способны давать, а значит, обладаем определенной силой. В это мгновение мы не так жалки, не так голодны.

Вот сейчас у тебя была возможность облагодетельствовать меня. Подарить доверие, эмпатию, внимание, заинтересованность. Долю секунды, которая тебе ничего бы не стоила. И этот шанс ты тоже упустила.

Так кто же тут лузер? Кто, а?

На этом месте он закрывал кран и выходил из ванной.

Он вздохнул. Он все еще не превратился из мальчика в мужчину. Нигде он не мог найти подробного списка признаков маскулинности, но воображаемые дискуссии в ванной уж точно не входят в этот список. Нет сомнения: он много чего упустил.

Он вынул бутылку виски из рюкзака и поставил ее на стол.

Когда-нибудь нужно начинать. Это то, что пьют серьезные люди. Холодную воду? Ну, в самом деле. Он увидел, как барменша снова с удивлением посмотрела на него из-за барной стойки. Немного неприятно сидеть в баре с бутылкой виски, которую ты принес из дома.

Ну а что, возмутился он, а что? Нельзя? Запрещено законом? Вот он открывает бутылку. Если захочет, он даже выпьет прямо здесь. Можно даже и без стакана. Он посмотрит на барменшу обворожительным взглядом, полным силы, без страха, поднимет бутылку, как будто желая произнести тост, – и сделает несколько больших глотков, не отводя глаз. И только после этого поставит бутылку на стол...

Боже мой, властелин Петах-Тиквы, что это за дерьмо с ацетоном?

Жидкость обожгла ему язык и заполнила всю полость рта, включая промежутки между зубами, и он ощутил, что еще мгновение – и этот вкус повиснет у него на язычке в горле. Какой-то кислотный Гремлин¹². Он инстинктивно сглотнул – но стало только хуже: этот пожар проник глубже, а янтарную лаву прибило к стенкам бедного горла. Да, он никогда не пил виски. Это был слишком большой глоток. Видимо, для него сейчас любой глоток был бы слишком велик. Глаза заслезились, он почувствовал, что жидкость жжет его, стекая

¹² *Гремлины* – мифологические существа-вредители, популяризованные английским писателем Р. Далем.

по горлу до самого желудка, — хотя он был уверен, что внутри желудка не может быть нервных окончаний.

Затяжной кашель, отчаянный, как у утопающего, который пытается поймать ртом воздух, вырвался из его горла и унес все остатки его недолговечной иллюзорной маскулинности. Все, кто был в пабе, замолчали и посмотрели на него. Он все кашлял и прерывисто дышал, пока его пожирали по меньшей мере десять пар глаз, и он буквально слышал, как они думали про себя: может, встать и помочь ему? Пока он не задохнулся тут у всех на глазах...

Он поднял руку, чтобы все перестали на него смотреть.

— Все... ахxxx... нормально... — Он подавился. — Простое... ахxxxxк, ухxxxxк, ббббуахxxx, не в то горло... Ах-xxx... я слишком рано... я пытался сказать слово, пока пью... все в порядке... ахxxxк...

Они вернулись к своим разговорам, а он ощущал, как раздраженное горло постепенно «успокаивается». Только барменша все еще стояла и смотрела на него с легкой улыбкой, которую безуспешно пыталась скрыть. Наконец она подошла к нему и тихо спросила:

— Принести еще воды?

Он кивнул, стараясь не смотреть ей в глаза.

— Клево, — сказала она, — и скажите мне, если захотите чего-нибудь покрепче. Может, мы найдем какой-нибудь напиток, который вам понравится. По крайней мере, больше, чем этот.

И удалилась.

Через час открылась дверь – и вошла хозяйка заведения.

В «Неустойке» оставались только шесть человек. Бен, барменша, человек у бара, пребывающий в тихом отчаянии, и голосистая троица: эти сидели за столиком и все еще пытались болтать. Женщина, появившаяся в дверном проеме, выглядела совсем не так, будто она имеет отношение к этому заведению. На голове – неподвижные крупные седые локоны, явно уложенные с большим количеством спрея. Верхнюю часть тела облегал коричневая шерстяная жилетка – совсем не по сезону. Юбка – из толстой ткани, тоже коричневая, длиной до середины икры. Одной рукой она открыла дверь, а другой втащила за собой старую яр-ко-голубую сумку-тележку, из которой выглядывал розовый полиэтиленовый пакетик, как будто медуза, собирающаяся в панике удрать. Тяжелые ботинки и потертая поясная сумка завершали образ.

Стоя у двери, она оглядела помещение и пошла вдоль барной стойки, волоча за собой сумку-тележку.

Когда она поравнялась с барменшей, та, перегнувшись через стойку, прошептала ей на ухо несколько слов и показала на Бена. Пожилая хозяйка заведения посмотрела на него, с легким стуком поставила свою тележку и подошла к нему.

– Вы ждете меня? – спросила она.

– Да, – ответил Бен. – Очень рад познакомиться, госпо-

жа...

– Вентор, – ответила она. – Уже поздно, молодой человек.

Что вам нужно?

– Мне нужно поговорить с вами о Хаиме Вольфе.

Попытка оказалась успешной. Брови мадам Вентор поднялись на миллиметр или два. Она посмотрела на него, потом развернулась и огляделась: кто остался в пабе? Наконец снова посмотрела на него и спросила:

– Откуда вы знаете Хаима Вольфа?

– Я иногда навещал его. Сегодня получил кое-что в наследство от него.

– Что же?

– Бутылку. Виски.

Мадам Вентор устремила на него оценивающий взгляд – прикинула, сколько правды может содержаться в его словах, – и сказала:

– Ладно. Но не здесь. Наверху. Идите за мной.

Она вернулась к своей тележке.

– Как дела, народ? – спросила у троицы за столиком. – Не допили еще? Мы сворачиваемся. Идите домой, завтра в школу.

– Бабушка, мы уже давно не в школе, – сказал один из них.

– Бабушкой будешь называть свою маму, – ответила ему Вентор. – А если ты дурак, то уроки у тебя каждый день. Ладно, давайте, хорош мучить Оснат, ей тоже надо баиньки.

Закругляйтесь потихоньку.

Она взяла сумку-тележку и потащила дальше, вдоль барной стойки. Махнула Бену, чтобы шел за ней.

Проходя мимо последнего клиента, который остался в пабе, она кивнула ему и сказала:

– Иди домой, Миха. Жена уже ждет тебя, будет снова звонить, а этого я не хочу, спасибо. Давай, последний глоток, глубокий вдох – и домой.

Миха не потрудился даже допить. Он сполз со стула, медленно застегнул пуговицу на рубашке и молча вышел.

– Спокойной ночи, Оснат, – помахала госпожа Вентор, дойдя до конца барной стойки. – Закроешь тут все, ладно?

– Естественно, – сказала Оснат. – Спокойной ночи.

Когда Вентор и Бен дошли до конца стойки: она – устало волоча ноги, а он – нарочно отставая, – мадам открыла дверь, за которой обнаружилась лестница.

– Сейчас все это здание принадлежит мне, – сказала она Бену и зажгла свет. – Снизу – паб, на втором этаже – моя квартира и квартира Оснат, на третьем сейчас никто не живет. Еще несколько лет назад там жил Вольф, но сейчас все заперто. Поможете мне с тележкой?

Они медленно поднимались по лестнице. Здание было старое, лестница выглядела соответствующе, но все было чисто и проветрено. Когда они поднялись на второй этаж, мадам Вентор вытащила из кармана жилетки большую связку

ключей и за секунду до того, как свет автоматически отключился, вставила ключ в замочную скважину.

Бен еще успел увидеть на двери напротив табличку с выцветшим рисунком: Снупи лежит на крыше красной будки, и надпись: «Оснат».

В гостиной у мадам Вентор все было именно так, как Бен и ожидал – как, собственно, и должна выглядеть гостиная у такой женщины.

Большой пестрый диван, книжные полки во всю стену. На стене напротив дивана – фотография мужчины с потухшим взглядом, в ковбойской шляпе, на комоде – черно-белая фотография какого-то человека и ваза с цветами – Бен не понял, настоящие они или искусственные. В люстре горят всего несколько лампочек. Мадам Вентор указала ему на диван. Сумку-тележку она поставила в углу гостиной, а сама пошла, должно быть, на кухню. Бен послушно уселся на диван, положив рюкзак на полу рядышком. Она вернулась с пачкой печенья и стаканом воды.

– Подождите тут минутку, – сказала она и исчезла в темном коридоре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.